

М. Я. СЮЗУМОВ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД

(середина VII—середина IX в.)

Проблема города в «темные века» византийской истории представляет особую значимость, так как вопрос о роли города за период VII—середины IX в. является в то же время проблемой континуитета позднеимперского общества и влияния античной традиции. Анализ затрудняется исключительной бедностью источников. В источниках того времени (акты соборов, исторические произведения, агиография) и в трактате о фемах Константина Багрянородного мы встречаем большое количество названий городов, существовавших и в предшествующие, и в последующие века, часто встречаемся с наименованием *κάστρον* — крепость, но не получаем никакого представления относительно характера этих городов и укрепленных центров. Археологические материалы, безусловно, могут дать более яркие сведения, хотя и далеко не бесспорные и убедительные. То же самое можно сказать и относительно данных нумизматики. Эпиграфические памятники чрезвычайно скудны и содержат только косвенные сведения о положении города или укрепленного центра.

В основном сущность проблемы в том, возникли ли средневековые города Византии в результате внутреннего развития экономики переходного времени, выделения ремесла из сельского хозяйства или же эти города включились в процесс феодализации общественного строя уже в готовом виде, т. е. не переставая быть центрами окружающих районов в хозяйственном, социальном, политическом и идеологическом отношениях.

Для VII—середины IX в. вопрос о византийских городах разрешался в исторической литературе противоречиво: если в старинной литературе, начиная с Э. Гиббона, непрерывное существование византийских городов (изучавшихся главным образом на материалах Константинополя) представлялось несомненным, то, когда историки стали исследовать историю отдельных провинциальных городов, появилась противоположная теория — о полном упадке городов в этот период.

Так, Ф. Грегоровиус писал об Афинах: «Город (в византийскую эпоху) являлся как бы перегорелым шлаком идеальной жизни своего прошлого»... «Средние века для Афин — столетия мрака»¹.

Особенно распространенной эта теория стала с тех пор, как известный историк византийской литературы Карл Крumbaхер назвал период с середины VII до середины IX столетия «темными веками».

Однако в то же время ни один из историков не мог отрицать, что в источниках всех периодов византийской истории говорится о множестве городов, что именно повествуя о времени, близком к периоду «темных веков», Константин Багрянородный (как бы ни толковали этот факт)

¹ Ф. Грегоровиус. История города Афины в средние века. СПб., 1900, стр. 28.

называл города, которые существовали и на рубеже V и VI вв., но только он перечислял их в ином порядке, в соответствии с новой фемной системой административного устройства империи. Нельзя отрицать также наличия определенной степени развития товарного производства в Византии интересующего нас времени; очевидно также ее превосходство в культурном отношении над западными странами того периода.

В советской литературе проблема города в VII—IX вв. вызвала особый интерес, поскольку она связана с вопросом о времени и характере перехода Византии от рабовладельческого строя к феодальному. Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмов отстаивают тезис о непрерывности существования городов в Византии, тогда как А. П. Каждан последовательно придерживается мнения о полном уничтожении византийских городов в VII—середине IX в. и о последующем возникновении их вновь в X—XII вв. в результате выделения ремесла из сельскохозяйственного производства деревни.

В современной зарубежной литературе по данной проблеме также существуют противоречивые точки зрения. Если западногерманский историк Э. Кирстен в своем докладе на XI Международном конгрессе византистов в Мюнхене проводил теорию полного отмирания античного города в «темные века»², то югославский византист Г. Острогорский и американец Р. Лопес, наоборот, настаивают на непрерывности существования византийского города.

В целом можно считать, что большинство современных историков признает процесс дезурбанизации Византии в середине VII в., а некоторые даже говорят о совершенном исчезновении в этот период византийских провинциальных городов как производственно-торговых центров³.

Проблема византийского города VII—середины IX в. осложняется различным содержанием, вкладываемым разными исследователями в само понятие «город» в переходный период. Дело в том, что в интересующую нас переходную эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, тогда как новые институты, свойственные средневековому городу, еще не оформились, поэтому определение понятия «город» оказывается весьма сложным. Однако, если характерные для античного города черты уже исчезли, а основные качества средневекового города еще не сформировались, значит ли это, что в переходное время город как таковой перестал существовать? Люди переходного времени пользовались термином «город» — πόλις, и историк обязан выяснить, каковы те хозяйственные, социальные и политические особенности, благодаря которым отдельные населенные пункты назывались «городами». В странах, где процессы феодализации развивались на базе разложившегося рабовладельческого строя, там, где не прерывался континуитет государственной власти и традиций управления страной, город в противоположность деревне не мог не иметь особого значения в выполнении хозяйственных, социальных и политических функций государства. О византийском городе нельзя судить по аналогии с западноевропейскими городами, где феодальное государство развивалось на базе разлагающегося родоплеменного общества и где прежний государственный аппарат был полностью разрушен. При наличии континуи-

² E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. 1958». München, 1960, S. 27.

³ D. A. Zakythinou. Le despotat grec de Morée, II. Athènes, 1953, p. 142; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, стр. 361; Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 61 и сл.; P. Charanis. The Significance of Coins. — «Historia», 4, 1955, № 2/3, p. 169.

тета государственной власти юридический статус города не может быть оставлен без внимания при определении понятия «город» для переходного времени. Юридический статус города не обязательно подразумевал некоторые права самоуправления по типу античного или средневекового города. Достаточно было призвания со стороны центральной власти данного населенного пункта «городом», что, безусловно, было связано с выполнением в этом населенном пункте каких-либо управленческих — государственных либо церковных — функций.

Бесспорно, в классовом обществе, где наблюдается противоречие между городом и деревней, хозяйственная роль города как центра товарно-производственных отношений была доминирующей, тем не менее не следует сводить его общественное значение исключительно к выполнению им определенных экономических функций и отрывать экономическую роль города от административно-политической. Осуществление через посредство населенного пункта таких функций, как военно-оборонительные, церковно-управленческие, административные и финансовые, хотя и не является основным признаком города, однако в обществе, где существует более или менее централизованный церковный и государственный аппарат, нельзя представить себе выполнение этих функций вне связи с хозяйством данного поселения.

Осуществление через определенные населенные пункты централизованного управления со стороны государства или церкви, несомненно, стимулировало концентрацию здесь товарно-производственных отношений. Наоборот, наличие удобных для товарных отношений поселений приводило к перенесению в них государственного административного аппарата и созданию автокефального церковного управления.

Нет никаких оснований также отрывать понятие военного укрепления от хозяйственного значения населенного пункта. В обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений и, напротив, ни один крупный военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики. Поэтому в терминологии источников VII — середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются⁴. Суть проблемы византийского города VII—IX вв. не в том, можно ли называть городами населенные пункты того времени, исходя из современного понятия города, а в том, какие функции выполняли тогда населенные пункты, называвшиеся городами.

* * *

Общий хозяйственный упадок городов в Византии начиная с первой четверти VII в. несомненен.

Если говорить о городе как производственно-товарном центре, то наиболее ярким показателем упадка является резкое уменьшение коли-

⁴ В буржуазной историографии нет общепринятого определения города. Определение Армака Кювийэ (A. Cuvillier. Manuel de Sociologie. Paris, 1950. p. 357 sq.) — «город», поселок, где земледелие перестает быть единственным видом производственной деятельности, — слишком широко. По Ф. Дэльгеру, епископский центр или местопребывание административного органа обозначались словом «полис», а местопребывание гарнизона и военного командования — «кастрон». Ф. Дэльгер приводит примеры массового смещения понятий «кастрон, полис, хорюн, полисма» (F. Dölger. Die byzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt. — «Парасторá». Eital, 1961, S. 114). Дэльгер рассматривает сущность города только с внешней стороны: наличие стен (конечно, это важный признак города в то время), ипподром, партия цирка. Но мы не можем проследить на материале VII—VIII вв. в городах провинций такие ипподромы, хотя по материалам раскопок они продолжали существовать. К важным признакам города Дэльгер относит также наличие гавани и ремесленных кварталов (ibid., p. 115).

чества монет середины VII до середины IX в., находимых при раскопках на территории византийских городов.

Так, при раскопках в Коринфе было обнаружено монет

	Всего	На 1 год
От Анастасия до Фоки (492—610)	1149	Около 10
От Ираклия до Константина II (610—668) . . .	111	Около 2
От Константина IV до Никифора I (668—811)	19	Около 0,13
От Михаила I до Михаила III (811—867) . . .	194	Около 3,5
При Василии I (867—886)	315	Около 11,5
От Льва VI до Никифора II (886—969)	3450	Свыше 41 ⁵

Примерно таково же соотношение различных монет, хранящихся в коллекциях в музеях.

Чеканка монет в отдельных городах в VIII в. прекратилась. В частности, в Херсонесе перестали чеканить монету уже с начала VII в.⁶ Монет VIII в. там вообще почти не найдено, тогда как монеты VI, X, XI вв. встречаются в большом количестве. Так же обстоит дело и с находками монет за пределами Византии⁷. Создается впечатление, что связи Византии с западноевропейскими странами и Восточной Европой в этот период прервались и возобновились только в X в.⁸

Археологические раскопки ряда городов свидетельствуют почти о полном отсутствии следов культурных слоев периода середины VII—середины IX в. (особенно в Херсонесе)⁹. Каменное строительство, как показывают археологические изыскания, в этот период было незначительным (можно говорить только о строительстве в Фессалонике, Коринфе, Афинах, особенно в Константинополе при Феофиле). Письменные источники тоже говорят об упадке городов. Неоднократно встречаются сведения об их полном разрушении. Так, у Феофана сообщается, что город Тиана разрушен арабами, жители «покинули город, оставили его пустым, каким он остается и до настоящего времени».

Папа Мартин, сосланный в Херсонес, пишет в своих письмах в 655 г. о полной нищете в Херсонесе: «Хлеб известен только по имени», а Анастасий Библиотекарь про Херсонес 60-х годов IX в. писал, что «город совершенно обезлюдел, храм в развалинах...».

⁵ А. П. Каждан. Византийские города в VII—IX вв. — СА, т. 21, 1954, стр. 166, 171.

⁶ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 33. Находки монет в северо-восточной части Херсонеса:

V—VII вв.	421 шт.	IX в.	318 шт.
VIII в.	—	X в.	1082 шт.

Ту же картину рисуют находки монет в Пергаме, Сардах, в малоазиатских кладах (А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 174).

⁷ Необходимо отметить, что решающим доводом для признания хозяйственного упадка является не количество монет, находимых в забытых кладах (см. И. В. Соколова. Клады византийских монет как исторический источник. — ВВ, XV, 1959), а количество монет, случайно найденных при раскопках городских районов.

⁸ А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 169.

⁹ То же самое можно сказать и о других городах. См. о Пергаме: Н. Gelzer. Pergamon unter Byzantiner und Osmanen. — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1903; о Смирне: R. Neuman n. Selahattin—Kantar. Die Agora von Smyrna. Klein Asien und Byzanz. Berlin, 1950; об Афинах: М. Thompson. The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 1954; о Пелопоннесе: А. Bon. Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie. — Byz., 20, 1950; о Сардах: Н. W. Bell. Sardis. Publications of the American Society of the Excavation of Sardis, XI. Leiden, 1916.

Арабский географ IX—X вв. Ибн-Хордадбех упомянул только шесть городов в Малой Азии: Эфес, Никею, Анкару, Аморий, Самалу и Никомидию, которая, по его сообщениям, тогда находилась в развалинах¹⁰.

Значительно уменьшилось население городов. Даже в относительно крупных городах, в таких, например, как Смирна, городская территория значительно сократилась, большая часть площади оставалась незаселенной. Сильно убыло население и в Константинополе; особенно заметное уменьшение произошло в 715 г., когда перед осадой столицы арабами из Константинополя были выселены жители, которые не могли приобрести запасы продовольствия на 3 года. Население сократилось также в результате последующих эпидемий¹¹. Более 100 лет жители Константинополя оставались без водопровода, разрушенного аварами в 626 г. и восстановленного только в 766 г. Следы разрушенного водопровода имеются и в Афинах¹².

В источниках того времени вместо термина «полис» — город появляется название «кастрон» — укрепленное место, крепость. Все выше-названные факты в совокупности с данными о несомненном упадке цивилизации, оскудении историографии, упадке юриспруденции дают полное представление о «темных веках».

Византийская культура была в основном городской культурой, поэтому с упадком античных городов неотвратимым явился и упадок культуры в целом.

Относительно причин и обстоятельств упадка городов в историографии был выдвинут ряд различных теорий. Ростовцев и Рамзей считали, что упадок городов происходил еще до падения Западной Римской империи. По мнению Рамзея¹³, в связи с изменением торговых путей в IV—V вв. ряд городов потерял свое экономическое значение. Однако в отношении византийских городов это положение не подтвердилось дальнейшими исследованиями. Несмотря на страшные разрушения и опустошения, причиненные нашествием варварских племен, несмотря на налоговый гнет, заставлявший население, по словам оппозиционных авторов, бежать из пределов Византии, нет оснований констатировать в V—VI вв. процессы отмирания и вообще упадок городов. Надписи, археологические изыскания говорят скорее о процессе урбанизации в этот период, чем о дезурбанизации.

Город этого периода, по терминологии Д. Закифиноса — «протовизантийский город», существовал, согласно его периодизации, до середины VII в. (324—642 гг.). С падением «протовизантийского города» начинается рождение и медленное развитие средневизантийского города в «темные века». Этот период, по Закифиносу, продолжался до 961 г., т. е. до отвоевания византийцами острова Крита¹⁴.

Теория перерыва в истории византийского города в советской историографии разделяется А. П. Кажданом. Согласно этой теории, в VII в.

¹⁰ См. Н. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 82—84.

¹¹ J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025. — DOP, 13, 1959, p. 100, 104—105, 108; R. S. Lopez. East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations. — «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», vol. III. Firenze, 1955; Theophanis Chronographia, III, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 384.7.

¹² Theoph., Chronog., p. 440.17.

¹³ W. M. Ramsay. The Cities and Bishoprics of Phrygia, 2 vols. Oxford, 1895—1897.

¹⁴ D. A. Zakythinos. Korreferat zu E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. — «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. 1958», S. 48 f.

византийский город в основном перестал существовать и рождение нового города на месте старинного является после двухвекового перерыва делом последующего времени¹⁵.

Причины упадка византийских городов разные исследователи объясняли различными факторами экономического развития VI—VII вв. М. Ломбар связывает дезурбанизацию с сокращением денежного обращения в результате отлива золота на восток и в варварские страны¹⁶. Известна также попытка объяснить упадок городов постепенным уменьшением политического влияния горожан в связи с ростом крупного землевладения¹⁷.

В качестве общих причин приводятся последствия внешних нашествий, особенно арабов: депопуляция местностей, островов, перемещение населения, изменение образа жизни, опасности мореплавания вследствие появления на море арабских корсаров. В этих условиях городам трудно было сохранить свое значение экономических центров. Нашествия нарушали всю хозяйственную жизнь страны, население или уничтожалось или отводилось в плен.

Города вследствие военной опасности превращались в военные укрепления — кастра. Под влиянием передвижения славян население Балкан оставляет старинные города и бежит к Далматинскому побережью и к Фессалонике¹⁸. Город становится, за немногими исключениями, земельно-владельческим поселением, имеющим значение как военный, административный, церковный, но не торгово-ремесленный центр.

Э. Кирстен объясняет потерю городами своего экономического значения освобождением крестьян от зависимости в результате восстания Фоки, заселением земли славянскими поселенцами на западе и выходцами из халифата на востоке¹⁹. Безусловно, возникновение новых поселений, появление пришлого элемента — славянских племен и горцев из халифата — привело к усилению элементов натурального хозяйства.

¹⁵ Отмирание городов — явление, знакомое античному миру. В обстановке рабовладельческого общества постоянно происходило перемещение городских центров, процветание одних и упадок и даже отмирание других. Однако в истории Византии VII в. происходило не перемещение городских центров, а переход от одной формации к другой, поэтому упадок византийских городов имел совершенно иные причины. Основная причина упадка городов в Византии та же, что на Западе: переход от рабовладельческого к феодальному строю. Но нельзя считать, что полное исчезновение городов (дезурбанизация) есть закономерное и обязательное явление при переходе от рабовладельческого к феодальному обществу. Это характерно только для тех стран, где такой переход происходил в условиях полной ломки государственного аппарата при варварском завоевании. При известном континуитете государственного управления имущественные отношения продолжают охраняться властью там, где территория находится под контролем государства. Но нужно отметить, что при всяких изменениях в экономике страны отдельные центры могут захиреть, а другие — получить импульс к развитию. Это увядание отдельных центров наблюдается и при переходе от феодализма к капитализму. Всеобщего явления дезурбанизации мы не можем отметить ни для Византии, ни для Италии, ни для арабских стран, ни для Китая.

¹⁶ M. Lombard. L'évolution urbaine pendant le haut moyen âge. — «Annales», t. XII, 1957, p. 7—28.

¹⁷ H. Hunger. — In: Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1961 (далее — Diskussionsbeiträge), S. 99.

¹⁸ Diskussionsbeiträge. S. 83—84; P. Lemerle. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle. — «Revue historique», II, 1954, p. 265—308. Подобное же положение наблюдается и в итальянских владениях Византии, в Сицилии, где города были объектами нападения сарацин. В житии Ильи Молодого говорится, что население городов бежало, захватив с собою, что могло (Vita di sant'Elia il Giovane, publ. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962, p. 55).

¹⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 26.

Естественным следствием упадка городов, а во многих случаях и полного их разрушения явилось увеличение населения деревни и укрепление ее роли в стране²⁰.

Культурный упадок городов связывался в историографии и с политической грабежа провинциальных ценностей в пользу Константинополя. Например, при постройке храма св. Софии Юстиниан приказал перевезти в Константинополь большое количество памятников искусства из городов Европы и Азии (в том числе колонны и мраморные плиты из Афин).

Нужно думать, что некоторый удар самодеятельному населению провинциальных городов был нанесен переселением в Константинополь ремесленников — или в результате эпидемий, или для проведения общественных построек (для постройки водопровода в Константинополь было переведено 1000 каменщиков и 500 гончаров из провинции)²¹.

Особенно повлияла на упадок культуры в городах конфискация средств, принадлежавших им. Так, согласно Прокопию²², Юстиниан конфисковал средства, завещанные отдельными меценатами на поддержание философских школ.

К этому следует добавить теологизацию общественной мысли и вандалское уничтожение многих памятников искусства эллино-римской религии, что в свою очередь повлияло на упадок ремесел, связанных с производством художественных изделий.

Вместе с упадком античной образованности города теряли и внешний облик, характерный для античной цивилизации.

Этот несомненный общий упадок городской античной цивилизации являлся вполне закономерным явлением: падение рабовладельческого строя, безусловно, должно было сопровождаться некоторым снижением культуры в тех областях, которые наиболее были связаны с рабовладением²³. Тем не менее упадок городов еще не дает оснований говорить о процессе дезурбанизации Византии.

* * *

По мнению А. П. Каждана, в VII—VIII вв. настоящими городами — экономическими центрами — можно считать только Константинополь, Фессалонику, Эфес, Трапезунт, Никею и Атталию; все остальные старинные города в VII—VIII вв. превратились в деревни и только с IX в. начали снова возрождаться. Заново выделились из сельскохозяйственной округи такие центры, как Афины, Коринф, Фивы, Спарта, Олинф, Селимврия, Родосто, Адрианополь — на Балканах, а на Востоке — Авидос и Пергам. Вновь возникают в IX в. такие города, как Монемвасия, Навпакт, Никия-Кония, Амастрида, Филиппы. Сугубо административными центрами оставались Патры, Милет, Селевкия, Кесария, Феодосиуполь, Анкира и Аморий.

Однако справедливо ли говорить о такой сплошной дезурбанизации в VII—VIII вв.? Действительно ли такие центры, как Афины, Селевкия, Родосто, Авидос, в VII—VIII вв. были только огороженными, защищенными стенами деревнями?

Нумизматические данные, безусловно, свидетельствуют об упадке товарно-денежных отношений, однако и в VII—VIII вв. выпускалось большое количество всех типов монет. Находки золотой монеты значи-

²⁰ R. Lopez - P. Lemerle. — In: Diskussionsbeiträge, S. 93.

²¹ Theoph., Chronog., p. 440.

²² Procop., Anecdota, XXVI, 5.

²³ Однако при конкретном рассмотрении мы не можем игнорировать результатов военных событий и считать структурными сдвигами то, что являлось в сущности следствием войн.

тельны²⁴, уменьшение находок относится только к медной разменной монете. Это обстоятельство заставляет предполагать, что упадок товарно-денежных отношений в VII—VIII вв. был относительным²⁵.

Археологические раскопки тоже свидетельствуют об упадке городов. Однако данные археологии недостаточны для прямолинейного заключения о дезурбанизации²⁶.

Письменные источники не могут дать картины столь широкого исчезновения городов, к тому же сведения их довольно туманны и часто противоречивы. Как говорилось выше, географ Хордадбех писал о наличии в Малой Азии только шести городов. Однако неясно: 1) что подразумевал Ибн-Хордадбех под городами (не понимал ли он город в значении *μεγαλόπολις*)?²⁷; 2) намеревался ли Хордадбех вообще дать исчерпывающий список городов, почему он умолчал о Трапезунте и Смирне?

Пленный араб Ибн-Яхья, по Острогорскому, в 913 г. писал, что он на пути в Константинополь встретил только один большой и один малый город. В то же время он сообщал о числе сел. Но что понимал он под «селом»?

Безусловно, ряд городов в результате вражеских нашествий, ужасающих опустошений и увода в плен ремесленного населения мог на некоторое время превратиться в деревни. Относительно города Тианы, например, засвидетельствовано, что в 709 г. после арабского налета город был пустым «до сего времени», но через 30 лет арабы вновь подступили в Тиане и пленили множество людей²⁸. Больше всего влияние вражеских нашествий ощущалось в районах Пелопоннеса, Фессалии и Македонии, где только к концу VIII в. византийцы смогли восстановить свою

²⁴ G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities in the Early Middle Ages*. — DOP, 13, 1959, p. 51 f. Отсутствие монет VIII в. не может свидетельствовать о полной дезурбанизации. Ведь в небольшом селении Лагбе (Памфилия) найдено много монет именно VIII и первой половины IX в. (А. П. Каджан. *Византийские города...*, стр. 172; G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities...*, p. 12, 50). Не объясняется ли отсутствие монет тем, что раскопки производились не в тех районах города, которые в VIII в. были центрами хозяйственной жизни, а в тех местах, которые были временно оставлены населением?

²⁵ Высказываемые иногда мнения о том, что золотая монета не является показателем развития торговли, не могут быть приняты всерьез: раздел об аргиропрагах и трапезитах в «Книге Эпарха» дает наглядное представление о золотой монете на рынке. Даже продовольственные товары покупались на золотую монету. См. Cedrenus. *Historiarum compendium*, II. Bonnæ, 1839, p. 373. 15; 374.15.

²⁶ Наиболее прямолинейные выводы о дезурбанизации делает Э. Кирстен в докладе «Die byzantinische Stadt». Основная его цель — показать, что развитие византийских городов ничем не отличалось от западноевропейских. Хотя его доклад называется «Византийский город», однако Кирстен исключил все данные о наиболее важных византийских городах — Константинополе и Фессалонике, поэтому картина византийского города оказалась превратной. Выводы Кирстена покоятся на отсутствии данных и, как всякие доказательства *ex silentio*, не могут быть достаточно убедительными. Можно ли делать из отсутствия археологических находок в слоях VIII—IX вв. вывод о замирании жизни в городах того времени? Ведь сам Кирстен говорит о массовом перемещении городов в условиях военной опасности в более безопасные места. Например, город Колоссы исчез, и, если бы мы не знали, что жители переехали на новое место — за 4 км от Колосса, то поверили бы археологическим данным о полном исчезновении этого города в VII—VIII вв.

²⁷ Вопрос о терминологии Ибн-Хордадбега спорен (см. G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities...*, p. 62). У Хордадбега имеется большое число упоминаний о «военных укреплениях» (в переводе de Goeje), но что представляли они, неясно. Если византийцы часто смешивали термины *πόλις* и *κάστρον*, то нет никаких гарантий, что арабский путешественник употреблял слово «город» в том смысле, в каком его понимают историки-марксисты.

²⁸ Th e o r h., *Chronog.*, p. 411—19.

власть²⁹. Но как только города вновь попадали под контроль византийского государства, они восстанавливались при содействии императорской власти. Так, Ирина восстановила Анхиал. Вновь была отстроена Верия (под именем Иринополя). Восстановление разрушенных стен квалифицируется в надписях как восстановление города (Селимврия, Никея).

В условиях почти перманентной войны как на Балканах, так и в Малой Азии только защищенные могучими стенами населенные пункты могли становиться центрами хозяйственной деятельности, ремесла и торговли.

В период республики и ранней Римской империи завоеватели — римляне, боявшиеся, чтобы города не стали центрами сопротивления, препятствовали созданию вокруг городов солидных укреплений и стремились, чтобы города развивались на равнинах. Позднее же, с IV в., а в Малой Азии с VII—IX вв., военная опасность стала, наоборот, требовать возведения городских укреплений на труднодоступных возвышенностях. Население вынуждено было уйти с равнины³⁰. Бывшие же места равнинных городов превращались в пустыни, степи или же заболочивались, как это происходило в Италии.

В некоторых случаях отдельные части городов оставались населением. Города замыкались на узких участках, защищенных укреплениями. Так было почти во всех городах того времени. Раскопки в Афинах, Коринфе, Милете, Пергаме, Эфесе, Никее подтверждают это. Анастасий Библиотекарь передал уже приводившееся сообщение Кирилла, что часть Херсонеса в середине IX в. совсем опустела, храм находился в развалинах³¹.

Разумеется, такие перемещения населения, опустение отдельных районов были связаны с упадком городской экономики, но это вовсе не является свидетельством превращения города в деревню³².

* * *

При разрешении вопроса о существовании города в Византии нельзя строить выводы, исходя из отсутствия прямых данных о производственном значении города. Необходимо учитывать все имеющиеся сведения о товарном обращении в Византии в то время. Весьма серьезный недостаток теории дезурбанизации заключается в том, что недостаточное значение придается существованию Константинополя и *μεγαλόπολις*, которые оказывали большое влияние на периферию в распространении товарного производства и обращения.

Имеются косвенные данные о положении городов. Особенно интересны каноны пято-шестого церковного собора 691 г., т. е. периода уже после того разгрома, который претерпела Византия в VII в., в наиболее «темное время» своей истории — правление Юстиниана II. Каноны отно-

²⁹ A. Von. Le Peloponnèse byzantin jusqu'en 1204. Paris, 1951, p. 39 sq., 103 sq.

³⁰ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 28.

³¹ П. Лавров. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности. — «Памятники христианского Херсонеса», вып. II. М., 1911, стр. 141. В письме дается объяснение упадка Херсонеса: город находился под страхом осады со стороны соседей, жители во главе с епископом фактически были как бы в тюрьме и не могли выходить за пределы города.

³² В связи с перемещением горожан в другие районы происходило переименование городов (Эпидавр — Рагуза, Колоссы — Хоны, Потидея — Вероя, Аргос Фессалийский — Ларисса, Кромна — Амастрида). Пригородные районы, заселенные славянами, становились центром города, и славянские названия заменяли старые: например, Сиягидун — Белград, Эдесса — Водена, Никополь — Струмица, Додона — Вондица, Сардика — Триадика. О некоторых переименованиях свидетельствуют византийские авторы. См., например, *Constantini Porphyrogeniti. De thematibus*. Vonnae, 1840, p. 280—284.

сятся главным образом к провинциальным церквям, которые требовали наладить дисциплину среди церковников. В канонах изображается бойкая городская жизнь. 65-й канон свидетельствует, что в городах были эргастерии: около них в дни новолуний возжигались по языческому обряду костры; вряд ли эти обряды совершались в Константинополе, — по-видимому, имеются в виду провинциальные города. 76-м канонам запрещалось устраивать лавки с различными товарами в ограде церквей; канон 68-й упоминает об эргастериях мироваров, книгопродавцов; клирикам не разрешалось иметь *καπηλικόν ἐργαστήριον* — таверны (канон 9-й). Епископу или священнику строго запрещалось взимать проценты (канон 10-й). В канонах говорится о еврейском населении в городах, о том, что евреи принимают христианство, чтобы получить право продавать и иметь рабов. Правило 34 запрещает клирикам и монахам организовывать противозаконные сборища и устраивать заговоры — *φράτρια*: речь идет, очевидно, о городских движениях против господствующей церкви или правительственных властей в городах. Говорится о роскошных шелковых платьях, которые одевали женщины перед вступлением в монастыри. Можно считать, что церковные иерархи, определяя нормы поведения клира и светских людей того времени, исходили из образа жизни в городах, а не в деревне.

Теория дезурбанизации Византии аргументируется не столько фактом исчезновения городов, сколько их аграризацией. Действительно, в источниках всякий раз, когда описывается богатство городов, упоминается только о виноградниках, оливковых рощах, обилии скота и прочих сельскохозяйственных благах. О ремесленном производстве обычно не говорится; исключением является описание Фессалоники у Камениаты³³. Однако наличие богатых пригородных хозяйств, виноградников, садов, огородов, оливковых рощ вовсе не говорит об аграризации города: такие сельскохозяйственные пригороды имели и крупнейшие производственные центры не только в средние века, но даже в новое время.

Горожане Константинополя и Фессалоник, несмотря на ярко выраженный характер городов как производственных центров, имели пригородные хозяйства. В VII в. площадь городских владений сокращается, города сосредотачиваются вокруг внутренних укреплений, как бы возвращаясь к типу городских поселений архаических времен. Вокруг таких укреплений и находились земли, которые использовались в качестве пастбищ, а также виноградники или пригородные сады.

Разумеется, в период VII—середины IX в. можно констатировать значительную степень аграризации товарного производства в городах. С разложением рабовладельческого строя, с сокращением размеров прибавочного продукта, сосредоточенного главным образом в руках господствующего класса, уменьшилась платежеспособность, а следовательно, сократился спрос на предметы роскоши (дорогие ткани, парфюмерия, ювелирные изделия, стекло), соответственно значительно сократилось и товарное производство, которое ограничилось в основном производством продовольственных, т. е. в основном сельскохозяйственных, товаров. Однако подобную аграризацию нельзя считать дезурбанизацией. И из факта, что историки того времени, описывая богатства города, упоминают только о виноградниках и скоте, не следует делать вывод, что речь идет о деревне и что «ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства».

³³ Ioannes Cameniates. De excidio Thessalonicensi. Bonnæ, 1838, cap. 9—10.

Нельзя при определении населенного пункта как города исходить только из наличия в городе развитого ремесленного производства, как это делает А. П. Каждан в своей статье о византийском городе. Мы не имеем права модернизировать понятие «город», сводя его исключительно к понятию экономического центра товарного производства (по аналогии с более поздней спецификой городов позднефеодального и капиталистического времени).

Основная масса предметов товарного производства в раннем средневековье, как и в античное время, состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров. Не обувь и ткани, не парфюмерия и предметы ювелирного искусства, а вино, мясо, оливковое масло, рыба, мед, хлеб были основными товарами в раннем средневековье. И потому совершенно понятно, что, когда современники говорят о богатстве какого-либо города, они молчат о сапожниках и ткачах, но говорят об обилии в пригородных районах виноградников, скота, оливковых рощ, садов, огородов и хозяйств, доставляющих вино, пшеницу, мясо, мед и воск. Можно сказать, что все известия о любом городе ранневизантийского и средневизантийского периода заключали сведения о том, что жители городов возделывали поля и виноградники, что реки и заливы изобиловали рыбой и что близ городов было множество садов и огородов. Товарное производство продовольственных и прочих сельскохозяйственных товаров в раннем средневековье делало город производственным центром в рамках простого товарного производства. Разумеется, виноградники вокруг городов, сады, огороды, оливковые рощи и пчельники не были натуральными хозяйствами: этим города и отличались от деревни, где торговали только «излишками» продуктов натурального хозяйства. Показательно в этой связи исключительно влиятельное положение, занимаемое в Константинополе в VI в. коллегией садоводов — *κητοορῶν*³⁴.

Наличие пригородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, является самой характерной чертой средневекового города как экономического центра. При этом необходимо иметь в виду, что земли в пригородном районе в основном принадлежали жившим в городе землевладельцам³⁵.

Не только городская знать, но и широкие массы городского населения имели в пригородах свои собственные или арендованные участки, виноградники, оливковые рощи, сады, ульи, огороды. Ни хозяева, ни арендаторы, как правило, не жили на своих пригородных участках, которые обрабатывались или рабами, или наемными работниками-мистиями.

Патриарх Никифор в «Бревиарии» сообщает, что, когда в 641 г. сторонники Константа стали опустошать пригородные виноградники жителей Константинополя, население столицы взбунтовалось против императрицы Мартины и ее сына и заставило признать императором Константа.

Пригородные земельные участки назывались «проастьями» («предградье»). Несколько позднее (с VIII в.) это название распространилось на всякое имение, в котором не жил сам землевладелец (предполагается,

³⁴ Nov. Just., 64.

³⁵ В письмах Феодора Студита, которые являются ярким документом эпохи, часто рассказывается о том, как Студит во время преследований скрывался в пригородных владениях — проастьях константинопольской знати; его дружелюбно принимали в проастьях Прузы (см. «Творения Федора Студита», ч. II. СПб., 1908, стр. 647, 651). Тарасий имел солидные проасти в районе близ монастыря св. Маманта (Theoph., Chronog., p. 500; Pseudo-Codinus, ed. Preger. *Scriptores originum Constantinopolitanarum*, vol. III. Lipsiae, 1907, p. 266).

что хозяин участка жил в городе). В инструкции по податному обложению говорится: «проастии ... отличаются тем, что в них не живут сами хозяева, но проживают рабы, мистии и подобные»³⁶.

Пригородные земельные участки, вовлеченные в товарное производство, имели наиболее высокую стоимость и, нужно думать, поэтому иконоборцы во время правления Константина V особенно охотно конфисковывали земли пригородных монастырей, например, Хора у Константинополя³⁷.

Пригородные участки составляли основное богатство константинопольской знати; приобретая пригородные имения, служилые люди тем самым включались в состав городской знати.

Пригородные районы во время междоусобных войн и нашествий врагов оказывались беззащитными³⁸. Жители городов оставляли свои участки, скрываясь за стенами города. Пригородные хозяйства жестоко опустошались, но затем сравнительно быстро восстанавливались³⁹.

Вдоль константинопольской Длинной стены пасли стада скота императора и вельмож, откуда они приводились в Константинополь и продавались на форуме Тавра⁴⁰.

Примечательно, что в VIII—IX вв. в предместьях городов создаются целые группы монастырей, получивших большую славу (особенно вокруг Константинополя, около Прусы, у Смирны, Апамеи, Никеи, Эфеса).

Пригородные монастыри часто не являлись ни церковными, ни самостоятельными монастырскими владениями, но были собственностью городской знати. В VIII и в начале IX в. распространяется ктиторское право: знатные горожане принимают монашество, но живут в проастии, превращенном в монастырь. Феодор Студит резко выступал против такого обычая. Он писал своему приятелю, который решил таким образом преобразовать свое владение в собственный монастырь: «Или отдай владение полностью ... или живи дома мирянином и спасайся скромною жизнью и не оправдывайся нынешними примерами»⁴¹. Пригородный монастырь стал видом собственности городской знати⁴². Выгоды ктитора заключались в привилегиях, свойственных статусу монастыря, и в возможностях получения особых доходов, связанных с культом святых, и т. п.

В пригородных монастырях для иностранных и иногородних купцов устраивались особые гостиные дворы — «подворья». В Константинополе для купцов, приезжавших из Палестины, имел подворье монастырь

³⁶ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 115, 40.

³⁷ Земли монастыря Хора были конфискованы иконоборцами, но при Михаиле III и Феодоре были вновь возвращены монастырю (Х. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914, стр. 222). Монастыри вокруг Эфеса также были разгромлены Михаилом Лахондраконом (Theoph., Chronog., p. 445, 2—8).

³⁸ «Все за пределами города, даже сама почва, поражается» (Miracula St. Dimitrii. — PG, t. 116, cap. VIII, 65).

³⁹ Когда Маслама в 716—717 гг. осаждал Константинополь, Фракийский пригородный район был сильно опустошен в результате гражданской войны («Теперь же, — прибавлял аль-Вакида, — этот район густо населен»). E. W. Brooks. The Campaign of 716—718 from arabic sources. — JHS, XIX, 1899, p. 23.

⁴⁰ J. L. Teall. The Grain Supply... p. 105; E. W. Brooks. Arabic Lists of the Byzantine Themes. — JHS, v. XXI (1901), p. 72f.

⁴¹ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 541.

⁴² I. Zhischman. Das Stifterrecht in der morgenländischen Kirche. Wien, 1888.

Хора, для русских купцов — монастырь св. Маманта, расположенный несколько севернее Константинополя, на побережье Босфора⁴³.

В предместьях Константинополя, как свидетельствует «Книга Эпарха» (VI, 16), жили также еврейские ремесленники. В пригородные районы включались и деревни — свободные общины. Будучи вовлеченными в товарное производство, они теряли характер деревни и превращались в небольшие пригородные селения, называемые *πολίχρη*, например, против Амастриды — Кромны⁴⁴.

Большое число разных названий населенных пунктов на территории между стеной Феодосия и стеной Анастасия свидетельствует о высокой плотности населения пригородных районов. В источниках постоянно говорится о большом количестве пленных из пригородных районов, которых враги уводили во время осады городов.

Пригородный район крупных городов был центром противоречий между товарным хозяйством, обслуживавшим город, и возникавшими феодальными институтами, поэтому тесные связи города с пригородными хозяйствами приводили к тому, что широкие движения в городе подчас сливались с движениями, выражавшими недовольство деревни. И наоборот, движения в деревне нередко находили отклики в движениях горожан⁴⁵. Пригородные районы Константинополя были опорным центром Фомы Славянина во время народного восстания 820—824 гг.

Экономическое значение города заключалось не только в его ремесленном производстве и в пригородах, вовлеченных в товарное хозяйство, но также и в распространении влияния товарного обращения на натуральнохозяйственную деревню. Город выполнял функции центра товарного производства, втягивая в товарное обращение известную часть продукта труда населения деревни, ведущего в основном натуральное хозяйство. Этот процесс обращения части продукта натурального хозяйства в товар (продажа так называемых «излишков») осуществлялся разными методами. В зависимости от специфики этих методов, или, вернее, от преобладания одного из них, можно было бы выделить несколько типов городов. В VII—IX вв., когда еще не окрепли сеньориальные формы эксплуатации, центрами угнетения населения были не замки и поместья, как в развитом феодальном обществе, а города — средоточие фискального гнета, осуществляющегося через государственные учреждения, и церковной эксплуатации, а также эксплуатации через торговые операции. В зависимости от преобладания в данном городе того или иного типа эксплуатации следует различать города — административно-фискальные и судебные центры, города — чисто военные центры, центры церковные и епископские и, наконец, города торговые, транзитные пункты морской и сухопутной торговли. Разумеется, наиболее крупные города — *μεγαλόπολεις*, такие, как Константинополь, Фессалоника, Эфес, были одновременно и административными, и военными, и церковными, и в то же время производственными и торговыми центрами внутренней и внешней торговли — городами-эмпориями (приморские города-гавани на путях морской торговли и торговые города на путях сухопутной торговли).

⁴³ Первые сведения о русских купцах в подворье св. Маманта относятся к началу X в., но нужно думать, что купцы, совершавшие поездки по великому пути «из варяг в греки», и раньше останавливались на этом подворье.

⁴⁴ Житие Георгия Амастридского. — В. Г. Васильевский. Труды, т. III, 1915, стр. 5, 10.

⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956.

* * *

Византийские города V—VI вв. находились в руках урбанизированной провинциальной рабовладельческой знати, имевшей крупные земельные владения и постоянно проживавшей в городах. С разгромом крупного рабовладельческого землевладения, когда свободная крестьянская община стала преобладающей, характер города изменился. Города перестали существовать как центры рабовладельческой эксплуатации и превратились в опорные пункты централизованной эксплуатации через налоговую систему. Прежнее административное деление на относительно мелкие провинции в VII в. постепенно отмирало. С появлением крупных военных округов — фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Кивероетов, Фракия, Сицилия) роль главных городов провинций уменьшилась, хотя еще до конца VII в. в гражданских и церковных делах продолжало учитываться прежнее административное деление на провинции. К началу VIII в. фемное устройство из чисто военного превращается в военно-административное и административно-фискальные права главных городов провинций переходят к фемному командованию. В условиях неустойчивости границ вопросы военной безопасности становятся основными. По традиции за провинциальными городами сохранялось только преимущество в делах церковного управления.

В источниках VIII—IX вв. наряду с названием «полис» — город все чаще стало попадаться наименование «кастрон» — укрепленное место, крепость. Археологические изыскания обнаружили следы военных укреплений, стены, башни, притом возведенные, как правило, на более возвышенных местах. «Кастрон» обычно занимал сравнительно небольшую территорию, внутри которой помещались общественные здания — церковь, тюрьма; жилых помещений было немного. Вокруг укрепленного центра кольцеобразно или полукругом располагались террасами дома. Вблизи стен или в непосредственной близости находилось место для рынка. Не все города имели укрепления: множество старинных, особенно пограничных городов были совершенно беззащитными — *ἀνίσχυροι* и в условиях постоянных набегов врагов не могли продолжать свое существование как города. Во время опасности «кастрон» являлся убежищем для горожан.

В крупных торговых центрах — *μεγαλόπολεις* — для охраны собственности горожан, выросшей на базе эксплуатации пригородных хозяйств и торговли, строились стены вокруг всего города. В городах стоял постоянный гарнизон; сами горожане выполняли в случае опасности военные обязанности.

Во время нападений врагов как Константинополь, так и Фессалоника и Херсонес спасались благодаря наличию мощных стен. В описании «Чудес святого Димитрия» рассказывается, как горожане Фессалоники отражали наступление некоторых славянских племен. Судя по данным хроники Симеона Магистра, такие города, как Адрианополь, Родосто, Панион, также имели оборонительные сооружения. Жители запирались в крепости и защищались против врага. Окруженный стенами город представлял собой солидную крепость, поэтому в источниках, когда речь шла о военных действиях, такой город назывался «кастрон»⁴⁶.

Таким образом, словом «кастрон» мог обозначаться и город в целом, и отдельное укрепление — убежище возле населенного пункта. Впрочем, в большинстве случаев, когда в источниках говорится, что импера-

⁴⁶ Symeon Magister, rec. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 614—615.

торы восстановили укрепленные города, или кастра, имеются в виду только укрепления возле городов.

Кастра, которые создавались в VII—середине IX в., фактически были укреплениями при населенных пунктах, в основном в крупных городах фемного управления⁴⁷. Военный центр сам по себе не является основой для развития товарного хозяйства, но наличие такого центра было благоприятным условием для развития разных ремесел: военное командование Византии постоянно нуждалось в боевых материалах. Константин Багрянородный пишет, что европейские фемы были обязаны изготовить большое количество стрел, копий, щитов⁴⁸. Кастрон не мог обойтись без кузнецов, медников, плотников, каменщиков и т. д. В условиях более или менее развитого товарного обращения это не могло не служить стимулом к разворачиванию городского ремесленного производства.

Если кастрон находился на земле собственника территории и окружающий кастрон район тоже был земельной собственностью архонта этого укрепления, то, безусловно, такой кастрон являлся бы уже не чем иным, как феодальным замком. Но такие кастра относятся к более позднему времени, хотя условия для создания центров сеньориальной эксплуатации уже создавались в этот период. Мы еще не можем для VII—IX вв. говорить об укрепленных кастра как собственности какого-либо крупного землевладельца: в то время государственная крепость еще не стала феодальным замком⁴⁹.

Однако в специфических условиях горной Армении, где центральная власть имела мало возможностей контролировать отгороженные горными хребтами селения, попадавшие полностью под власть местной родовой знати, подобные укрепления представляли собой именно частную собственность знатного землевладельца.

Главный город фемы являлся также центром по сбору налоговых поступлений, *διοίκησις*, в широком значении этого слова. Хотя налоговое обложение землевладельцев и деревни происходило независимо от принадлежности их к городской общине, однако именно город, стоявший во главе фемной территории, был проводником фискального гнета населения империи. При сохранении централизованного государства и налогового обложения невозможно игнорировать экономическое значение города — административного центра.

Нет никаких оснований также проводить аналогии между византийским и меровингским административными центрами: на Западе государственный аппарат Римской империи с ее налоговой системой был уничтожен, тогда как Византия, несмотря на нашествия, сохраняла свой государственный аппарат и налоговое обложение.

Город как административно-фискальный центр выполнял функцию превращения в товар определенной части продукта натурального по своей основной цели хозяйства. Феофан и патриарх Никифор рассказывают о том, что император Константин V добился обилия продуктов на константинопольском рынке: он стал жестоко притеснять крестьян, и в результате такой фискальной политики крестьянин для того, чтобы уплатить налоги в денежной форме, вынужден был дешево продавать

⁴⁷ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 22.

⁴⁸ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo, I. Bonnae, 1829, p. 657—658. В «Чудесах Артемия» говорится о *τοξολοίς* (Varia graeca sacra. Сборник неизданных богословских текстов IV—XV веков. Изд. А. Пападопуло-Керамевс. — «Записки историко-филологического фак-та имп. С.-Петербургского ун-та», ч. 95, 1909).

⁴⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 20.

часть продутов и скота, лишая себя необходимого. Эта политика привела к укреплению товарно-денежного обращения⁵⁰.

Разумеется, власть византийской администрации не везде была одинаково сильной. В ряде районов нападения арабов и славян выводили территорию из-под контроля византийской администрации, причем на Балканах это было связано с почти полным уничтожением городского строя. Однако там, где нападения племен не завершились разрушением города, несмотря на то, что пришлое население оказалось чуждым византийскому городу, оно попадало под его влияние. Племена давали городским властям заложников, платили взносы на содержание городской администрации — стратига — и, кроме того, должны были выполнять повинности государственного порядка. Окрестное славянское население Фессалоники платило подати городу (*πρὸς τῆ πόλει τελῶσι*)⁵¹.

Город — военно-административный центр — был также проводником политики византизации окрестных славянских племен, что особенно можно отнести к Фессалонике и к городам на Пелопоннесе, где этот процесс проходил хотя и медленно, но неуклонно со времени установления там византийского контроля. Естественно, что торговые отношения, в которые входили славяне с горожанами (например, славяне, поселившиеся невдалеке от Фив и Димитриады, очень скоро стали вести относительно крупные торговые операции, снабжая продовольствием Фессалонику во время осады)⁵², в значительной степени содействовали византизации славян. Укрепленный военный пункт Патры после неудачного восстания славян стал центром ужасающей эксплуатации подвластного населения. Именно в этот период создались такие крупные поместья, как Даниэлиды с многочисленными рабами. Политика императора Никифора I по переселению греков в города Пелопоннеса создавала этническую базу для процесса грецизации пелопоннесских славян.

* * *

Как и в античном обществе, в течение всего раннего средневековья в Византии город являлся центром идеологического воздействия на население страны. В «темные века» роль города как церковного центра получила еще большее значение. В период вражеских нашествий, гражданских войн, когда территории выходили из-под контроля центральной власти, единственной силой, сплачивавшей византийское население, оставалась церковь с ее установившейся иерархией и веками закрепленными формами и приемами эксплуатации. Несмотря на введение феодного деления страны и создание новых военно-административных районов, главные города прежних «епархий» — провинций по-прежнему оставались центрами церковных митрополий с подвластными суффрагантами — подчиненными митрополии.

Роль города как идеологического центра в период VII—IX вв. особенно ярко сказывается в активности творчества в области канонического права. Вопросы семейного права, церковной и монастырской собственности играли важную роль в развитии византийского права, и их значение особенно ощущалось в среде городского населения и включенных в епархию⁵³ деревень. Особенно много положений по устройству

⁵⁰ *Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 76; *Theoph., Chronog.*, p. 443, 18—22.

⁵¹ *Ioannes Cameniates. De excidio Thessalonicensi*, p. 498.

⁵² *PG*, t. 116, cap. 11.86.

⁵³ Хотя греческая транскрипция слова не дает разницы, но мы употребляем термин «епархия» в значении «провинции» диоклетиановского деления империи и «епархия» — традиционно, в значении церковного района.

церкви внесли каноны пято-шестого Трулльского собора (691 г.) и седьмого собора (787 г.), а по организации монашеской жизни — монастырские уставы и сочинения Феодора Студита. Это дало возможность во второй половине IX в. окончательно отредактировать текст Номоканона («святаягмы канонов»).

В тех городах, которые отошли к болгарам и арабам, епископ оставался представителем всего гражданского христианского населения перед болгарскими и арабскими властями. Но в византийских владениях епископ, разумеется, не выполнял этой функции. Однако церковь имела все возможности осуществлять изъятие у населения деревень прибавочного продукта. Сама по себе эта эксплуатация не вовлекала натуральное хозяйство деревни в товарные отношения, однако город — местопребывание епископа и особенно митрополита — становился крупным потребляющим центром, причем потребление прибавочного продукта деревни связано было в таком городе с развитием в нем некоторых ремесел, которые неизбежно должны были появляться в крупных церковных центрах. Было бы неверным считать, что ремесленники, строители были зависимыми от церкви людьми и выполняли барщину; это были свободные люди, которые продавали свои изделия, в случае неуплаты могли подавать в суд (в «Житии Германа» рабочие-строители даже связали святителя, когда тот не мог расплатиться за работу)⁵⁴. Как показывают сочинения Феодора Студита, у церкви в VIII в. еще не было зависимых людей (кроме рабов, которых имели отдельные монахи), и все необходимые вещи, которые не могли изготовить сами монахи, покупались на рынке. Однако епископ обладал значительными правами в отношении населения: в области семейного права, брачных отношений, клятвенарушений, борьбы с колдовством и пережитками языческих верований и обрядности. Характерно, что в «Земледельческом законе» нет и следа часто встречающихся в условиях деревни названных выше бытовых явлений: этими вопросами занималась не община, а церковь, и основной инстанцией для определения решений по таким бытовым вопросам являлся епископ, имевший свое местопребывание в городе, центре данной епархии. В Византии епископ мог даже сильнее воздействовать на деревню из своего города, чем на Западе. Варварские Правды значительно шире по содержанию, чем «Земледельческий закон», на Западе население привлекалось к ответственности общиной и за такие преступления, которые вовсе не были упомянуты в византийском законнике, фиксировавшем правоотношения в сельской общине. Организующая роль города как церковного центра в Византии несомненна. Поэтому нет оснований рассматривать церковные центры как «огороженные деревни». Необходимо учитывать также и ранг, занимаемый данным церковным центром в общей церковной иерархии. Безусловно, возвышение какого-либо населенного пункта в ранг самостоятельной автокефальной архиепископии, особенно в ранг митрополии, не могло произойти без предварительного возвышения данного пункта в экономическом отношении. Содержание митрополита или автокефального епископа ложилось тяжелым бременем на население, и вряд ли бедное население небольшого аграрного местечка или небольшого военного укрепления могло справиться с подобными функциями⁵⁵.

⁵⁴ Х. Лопарев. Греческие жития святых..., стр. 483.

⁵⁵ В качестве важнейшего источника для изучения городского строя в Византии VII—IX вв. привлекаются так называемые *Notitia episcopatum*, списки митрополий и епископатов, подписи иерархов на церковных соборах (см. Н. Г. Векк. *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959; G. Ostrogorsky. *Byzantine Cities*...). У некоторых историков (в первую очередь у Э. Кирстена) имеется тенденция недооценивать значение этих источников

Во всяком случае в Византии, где каноническое право было тесно связано с гражданским, где крупнейшие политические движения представляли собой также движения церковные, роль епископских, особенно автокефальных городов в области общественных отношений была значительной.

Привилегии для города оформлялись как привилегии для епископа и кафедральной церкви. В VI в. высшие должностные лица провинций избирались местной знатью совместно и даже при решающей роли местного епископа⁵⁶. Епископ в Византии не мог получить такого самодовлеющего положения, как на Западе, но он был тесно связан с самоуправлением города⁵⁷.

Наиболее крупные населенные центры были митрополиями или автокефальными (зависящими только от константинопольского патриарха) архиепископиями. Митрополии складывались исторически в зависимости от административного деления империи и последующих изменений в V—VI вв. Деление на фемы в общем не отразилось на распределении митрополий; епископские епархии по-прежнему отражали то деление империи на провинции, которое было зафиксировано по Синекдему Гиерокла. Однако, несмотря на преданность церкви традициям IV—VI вв., известные изменения в распределении церковных центров происходили, отражая сдвиги экономического и социально-политического характера.

Потеря городом своего экономического значения приводила к утрате им и церковного влияния. Так, известный по документам собора IV в. главный город провинции Пафлагонии Гангры, по-видимому, впоследствии потерял свое значение... Вместо него возвысилась Амастрида⁵⁸, становившаяся важным торговым центром Пафлагонии. В конце VIII в. амастридский епископ вышел из подчинения гангрского митрополита, получив автокефалию, и в первой половине X в. был возведен в ранг митрополита. Песиунт — митрополия провинции Галатии Второй — тоже потерял свое значение крупнейшего города провинции, вместо него возвысился Аморий, который в VIII в. получил автокефалию⁵⁹. Торговое значение Трапезунта быстро возрастало, и это сказалось на его церковном положении. В первой половине IX в. Трапезунт получил автокефа-

---

и даже утверждать, будто бы эти списки не противоречат признанию полного исчезновения отдельных городов, превращения их в деревни. Однако это не так: если обратить внимание на подписи членов вселенских соборов VII—IX вв., то оказывается, что подписи иерархов малоазиатских городов почти без изменения повторяют церковную географию IV—VI вв. Что же касается подписей балканских иерархов на соборах 692 и 787 гг., то их осталось ничтожное количество по сравнению с числом подписей от предшествующих соборов. Разрушение городов на Балканах в VII в. отразилось в епископских «нотциях». Внимательно изучая «нотции», мы можем проследить упадок и увядание митрополичьих городов.

⁵⁶ F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, Bd. I. Berlin—München, 1924, S. 12.

⁵⁷ F. Dölger. *Die frühbyzantinische Stadt*, S. 88—89.

⁵⁸ В середине IX в. об Амастриде писали так: «Амастрида — око Пафлагонии, а скорее — всей вселенной! И скифы, обитающие по северной стороне Евксинского моря, и население южного его берега, стекаясь сюда, как в общее торжище, поставляют продукты своей страны и получают взамен местные товары. Этот город, лежащий посредине между Востоком и Западом, не испытывает недостатка в каком бы то ни было товаре, поставляемом морскими или сухопутными путями, обставлен великолепными зданиями и твердынею стен, снабжен лучшим портом» (PG, t. 105, col. 421).

⁵⁹ Аморий, по словам арабской хроники Масуди, — глаз и основание христианства, почетнее у греков, чем Константинополь (А. А. Васильев. *Византизм и арабы*, ч. I. СПб., 1900. Приложение, стр. 74). В «Сказаниях о 42 аморийских мучениках» (изд. В. Васильевский и П. Никитин. — ЗАН, 8 серия, историко-филологич. отд., т. 7, № 2, 1905, стр. 13) говорится: «Второй после Константинополя город».

лию, а во второй половине столетия — митрополию. По мере роста Хоны (возникшего в результате переселения жителей города Колоссы на другое место) этот город также получил автокефалию⁶⁰.

Епископ, как глава церкви данной епархии, был распорядителем церковных имуществ. Каноны соборов и новеллы императоров устанавливали неотчуждаемость церковных земельных владений и в то же время требовали от епископа поддержания их доходности. Церковные земли использовались местной знатью на условиях эмфитевтной аренды. Епископский город всегда был центром эксплуатации населения, работавшего на церковных землях.

В другом положении находились монастырские хозяйства, которые в VII—VIII вв. в основном оставались еще городскими или пригородными. Согласно предписаниям монастырских уставов, эти хозяйства должны были носить замкнутый характер и иметь слабые связи с городским рынком. Монастырь, в котором игуменом был Феодор Студит, согласно его уставу, должен был превратиться в большой религиозно-трудовой коллектив с многочисленными монахами, ремесленниками всевозможных профессий. Однако планы Феодора Студита были фантастическими; превратить городской монастырь в трудовой коллектив ему не удалось. Городские монастыри независимо от их устава становились центрами эксплуатации как городского населения, так и крестьян — арендаторов монастырских земель и прочего зависимого населения. В VIII—начале IX в., при Феодоре Студите, монахи, несмотря на запреты, пользовались трудом рабов.

* * *

Особого рассмотрения заслуживают приморские населенные пункты на побережье в Малой Азии и на Балканском полуострове, служившие центрами транзитной торговли, а также особо важные центры сухопутной торговли на существовавших тогда торговых дорогах. В какой мере можно назвать их городами при отсутствии данных о наличии других признаков, позволяющих считать населенный пункт городом? Имеют ли вообще данные о морской торговле значение для изучения городского строя в Византии VII—IX вв.? Вопрос осложняется тем, что относительно ряда старинных торговых античных городов греческого мира, расположенных на побережье Эгейского, Ионического и Адриатического морей, от VII—IX вв. почти не сохранилось никаких сведений, но в то же время можно считать, что они оставались греческими и не попали под власть славян или арабов. Строить какие-либо выводы о значении таких приморских центров можно только при учете данных о состоянии морской торговли в то время.

Э. Кирстен и А. П. Каждан почти игнорируют роль морской торговли в вопросе о признании населенного пункта городом. Так, например, А. П. Каждан, основываясь на lamentациях некоторых авторов об упадке Афин и на данных раскопок в некоторых районах этого города, приходит к выводу, что Афины превратились в «малонаселенную деревню», хотя тут же, вступая в очевидное противоречие, пишет: «Возможно, что афинская гавань играла известную роль и корабли поддерживали связь между Афинами и Константинополем»⁶¹.

⁶⁰ К автокефальным архиепископиям относились Амастрида, Трапезунт, Керасунт, Смирна, Селимврия, Аркадиуполь, Визия, Аморий, Апамен, Колония, Евхаита, Милет, Хоны, Николия, Атталия, Одессос, Херсонес.

⁶¹ А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 179.

Разумеется, любой византийский автор, говоря о византийских Афинах, не мог не отметить относительное ничтожество этого славного своим прошлым города. Разумеется, в период упадка целый ряд районов Афин не мог быть заселенным и центр наибольшей плотности населения города мог переместиться. Если имеются данные об упадке Афин в VIII в., то наряду с этим сохранились и сообщения о том, что Афины были морским портом, имели свою влиятельную знать и пользовались вниманием со стороны правительства в конце VIII в.⁶²

Нужно иметь в виду, что всякий приморский центр был связан с кораблестроением, а постройка кораблей предполагала наличие целого ряда ремесленных профессий и, кроме того, участие в морской торговле.

Для разрешения проблемы византийского города в века упадка необходимо иметь в виду всю обстановку, которая сложилась для византийской торговли и производства после потери Египта, Сирии и Палестины. во время длительных войн и полной необеспеченности сухопутной торговли.

Потеря Египта и Сирии двояко отразились на положении византийского города: с одной стороны, прекращение эксплуатации Египта, безусловно, принесло ущерб богатству городской знати; но, с другой стороны, сократились принудительные формы торговли, связанные с выполнением государственных повинностей по транспортровке продовольственных грузов, — анноны. Это стимулировало самостоятельное предпринимательство в морской торговле. О коллегии навикуляриев больше не слышно, снабжение столицы и других городов перешло к предпринимателям-горожанам, усилилась роль спекулянтов хлебом — *στοχάπηλοι*. В «Морском законе» (§ 38—39) встречаются сведения о кораблях, целиком зафрахтованных для перевозки зерна.

Потеря Египта стимулировала развитие зернового хозяйства во Фракии и Анатолии, а потеря Сирии привела к развитию шелковой промышленности в Константинополе. «Книга Эпарха» в начале X в. говорит о вполне налаженном и, следовательно, уже задолго до того времени существовавшем производстве шелковых тканей как предмете морской торговли⁶³.

В VII в. особенно возросла роль собственников кораблей и капитанов, водивших торговые суда с товарами. Именно тогда морская торговля стала главным источником извлечения доходов для византийской ростовщической городской знати. В житиях VII в. особенно часто встречаются сведения о навклирах и рассказы о морской торговле⁶⁴. Собственники

⁶² Так же как и Фессалоника, Афины назначались местожительством попавших в опалу членов царствующего дома и самых влиятельных лиц; в данном случае речь идет не о содержании в тюрьме, а о жизни вдали от столицы, при соблюдении достойных сана условий быта (Theoph., Chronog., p. 473.19). Всякий раз, когда сосланные на жительство в Афины репрессировались, они удалялись из города. Во время правления Ирины в Афинах возведены были некоторые постройки, что вполне понятно, поскольку этот город был родиной Ирины (А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 178). Возможно, что в VIII в. в Афинах чеканилась собственная монета (M. Thompson. Some Unpublished Bronze Money of the Early VIIIth Century. — «Hesperia», 9, 1940, p. 373; А. П. Каждан. Византийские города..., стр. 178).

⁶³ I. Nicole. Δέοντος του Σοφοῦ τὸ Ἐπαρχικὸν βιβλίον. Genève, 1893, § 6—8; R. Lopez. East and West..., p. 72; idem. Silk Industry in the Byzantine Empire. — «Speculum», XX, 1945.

⁶⁴ Особенно нужно отметить «Чудеса Артемия», где неоднократно говорится о ряде навклиров, собственников кораблей, а также жития Иоанна Милостивого, Стефана Нового, Нила, Луки Нового, Феодора Сикеота, Григория Декаполита, «Чудеса Димитрия».

кораблей, с одной стороны, и лица, финансировавшие морскую торговлю под «морские проценты», — с другой, были наиболее состоятельными людьми в период, когда существовала постоянная угроза вражеских нашествий⁶⁵. Именно тогда, судя по зафиксированным в «Морском законе» обычаям, установилась практика финансирования морской торговли с участием в прибылях (*χρησχομηνία*), заимствованная впоследствии итальянцами в форме коллеганадий или комменды⁶⁶.

Мы должны особо отметить, что в «темные века» города Сицилии, Калабрии и Апулии входили в состав Византийской империи и вели оживленную торговлю с такими итальянскими городами, как Бари, Амальфи⁶⁷. Только в середине IX в. захват арабскими завоевателями Сицилии и постоянные нападения на Южную Италию в значительной мере подорвали размах торговли портовых центров западного побережья Малой Азии и островов Эгейского моря. Центр торговли тогда переместился на север, в Адриатику, что благоприятно отразилось на положении далматинских городов и Венеции, хотя они в VII—середине IX в. не имели еще того ведущего значения, которого достигли впоследствии.

События конца VII—начала VIII в. говорят о сильно возросшем политическом влиянии приморских местностей. Ряд государственных переворотов происходил при активном участии моряков. В 726 г. приморские местности Греции и острова смогли снарядить большой военный флот, пытавшийся свергнуть Льва III. Только иконоборческая династия сильно урезала политическое влияние морских сил, и на первый план выступили сухопутные войска, стратеги крупнейших континентальных фем.

Ко времени «темных веков» относится «Морской закон родосцев», который включает установившиеся в практике морской торговли обычаи и освещает состояние морской торговли в то время. Судя по статьям «Морского закона», корабли стали более мелкими по вместимости в сравнении с кораблями египетских навикуляриев. Обеднение городской знати, с одной стороны, и усиление опасности мореплавания из-за пиратов — с другой, — приводили к использованию более мелких кораблей. Это говорит также о демократизации морской торговли, о вовлечении в морское предпринимательство значительного числа менее состоятельных людей, отдельные сведения о которых содержатся в житии Иоанна Милостивого и другой агиографической литературе того времени. Известно, что во второй половине IX в. натиск арабов усилился, острова Эгейского моря были основательно опустошены, а Крит был занят арабскими корсарами, которые создали там свое разбойничье государство. Однако до этого в VII, VIII и первой половине IX в. острова Эгейского моря вели самую оживленную торговлю. Остров Родос, обычаи которого легли в основу морского законодательства, играл видную роль и в VII—IX вв. В «Чудесах Артемия» дважды говорится о предпринимателях с Родоса. Этот остров и его главный город (тоже Родос) в VII—VIII вв. были объектами частых нападений со стороны арабских завоевателей, однако отпор на-

⁶⁵ Когда Никифор I конфисковал ряд земель у мятежных аристократов, он приказал навклирам Азии в принудительном порядке покупать конфискованные земли, несмотря на то, что эти люди никогда землевладельцами не были и сельским хозяйством не интересовались (Theoph., Chronog., p. 487). Вероятно, трудно было найти свободные средства в других слоях населения.

⁶⁶ Νόμος Ναυτικός, III, § 9, 17; *Ecloga Leonis et Constantini*, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. — «Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum». Lipsiae, 1852, X, 5; ср. R. S. Lopez. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century. — DOP, 13, 1959, p. 80, 97.

⁶⁷ A. Schaubе. *Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge*. München, 1901, p. 35.

селения и помощь византийского флота не давали арабам укрепиться на острове и захватить его центр⁶⁸.

О размахе морской торговли мы можем судить по данным «Морского закона». В числе купцов были продавцы одежды, тканей, драгоценностей. Эти купцы вели мелкую торговлю; в «Морском законе» они назывались не *ἔμποροι*, а *ἐπιβάται*, что более соответствует понятию «пассажир»⁶⁹. Там же, где говорится о провозе зерна, оливкового масла, вина (например, в ст. 38 и 39), по-видимому, имеются в виду торговые операции более широкого размаха: в них участвовали крупные торговцы — владельцы продовольственных товаров, для перевозки которых требовалось нанять целый корабль с капитаном и командой. Можно полагать, что для снабжения городов более состоятельные купцы скупали на местах продовольствие, которое и отправляли крупными партиями в большие города.

Следует подчеркнуть также связь морской торговли с ростовщическими операциями городской знати. В статьях «Морского закона» уделяется большое внимание вопросам о морском проценте и о порядке выплаты долга и процентов.

Исходя из агиографических данных и «Морского закона», мы можем прийти к определенному выводу, что в тяжелое для Византии время морская торговля поддерживала товарное обращение и содействовала превращению в товар продуктов натурального хозяйства. Таким образом, приморские центры того времени выполняли экономическую функцию города как центра, распространявшего на периферии товарное производство и обращение.

Центром морской торговли был, разумеется, Константинополь, куда направлялись грузы как с продовольственными товарами, так и с предметами роскоши, пряностями, шелком-сырцом. Из Константинополя в страны Западной и Восточной Европы вывозили товары не только константинопольского ремесла, но и восточного происхождения. Константинополь и в «темные века» оставался, по выражению Маркса, золотым местом между Востоком и Западом⁷⁰. Однако, как это следует из «Книги Эпарха», правительство Византии вовсе не было заинтересовано в массовом вывозе, в интенсивном поощрении заморской торговли. Поездки константинопольских купцов в чужие страны могли быть выгодны только отдельным торговцам, тогда как для всего прочего населения Константинополя — сановной знати, домовладельцев, ремесленников — было выгоднее, чтобы иностранные и византийские провинциальные купцы сами приезжали в Константинополь.

Из других городов-эмпориев большую роль играла Фессалоника, по треблявшая большое количество иностранных товаров, предметов роскоши, известная своей ярмаркой, а также металлообрабатывающим ремеслом.

Крупным центром морской торговли являлся и Эфес, который в VIII в. славился своей ярмаркой, приносившей государству крупные суммы от торговых пошлин. Трапезунт получил значение транзитного

⁶⁸ В 620 г. город Родос разрушили персы, в 653 г. арабы на время захватили остров и продали металл, из которого был изваян знаменитый родосский колосс. В 672 г. арабы вновь заняли город, но в 678 г. были изгнаны. Население Родоса, жившее морской торговлей, оказывало влияние на политические события. В 715 г. императорский флот собрался в Родосе, но там вспыхнуло восстание и флот отправился в Константинополь для свержения императора. В 717 г. арабы оккупировали остров, однако не смогли там укрепиться и в 718 г. оставили остров. К 807 г. относится новая безуспешная попытка арабов захватить Родос.

⁶⁹ *Nóμος Ναυτικός*, III, § 34, 40.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 240.

пункта — через него товары из Месопотамии и восточной части халифата направлялись в Константинополь. Экономическое значение Трапезунта отчасти было связано и с добычей железа в окрестностях города⁷¹. К началу IX в. возвышается Амастрида, значение которой современники видели в ее торговле с Северным Причерноморьем. Крупным транзитным пунктом в торговле с Италией становится Навпакт.

В Северном Причерноморье важной гаванью, привлекавшей внимание хронистов, считался Херсонес, бывший посредническим пунктом торговли кожей и воском со странами Восточной Европы, в частности с Хазарским каганатом. Кроме того, Херсонес торговал собственной продукцией — солью и рыбой.

Смирна была важным портовым городом, центром эмигрантов, бежавших из халифата. Благодаря своему положению на море выдвинулась как портовый город основанная в начале VII в. Монемвасия.

Особое значение приобрели также морские таможни — Кизик у входа в Геллеспонт и Авидос — на самом узком месте Геллеспонта. В этих пунктах осуществлялся контроль над морской торговлей, который носил не столько экономический, сколько политический характер, преследуя цель не допустить перехода к иностранцам секретов производства ценных изделий, а также товаров, имевших военное значение⁷².

Для континентальных городов имели особое значение узловые центры сухопутных путей. Балканы за период VII—середины IX в. представляли много трудностей для сухопутной торговли; византийская власть постепенно, после того как походы в Склавинию вернули под контроль империи юго-восточную часть Балканского полуострова, восстанавливала свои позиции в этом районе.

К концу интересующего нас периода известная со времен Римской империи *Via Egnatia*, соединявшая Константинополь и Фессалонику с побережьем Адриатики, оказалась полностью в руках Византии. Это привело к возвышению Диррахия, который имел особенно большое значение для торговли с Северной и Средней Италией.

Пути Константинополь — Ниш — Белград и Фессалоника — Ниш — Белград только частично находились под византийским контролем. Однако использование этих путей в целях торговли подтверждается как договорами с Болгарией (716 г.), так и данными о торговом значении их в конце IX в., характеризующими торговлю на этих путях как вполне налаженную. Перемещение центра торговых связей из Константинополя в Фессалонику вызвало в конце IX в. войну с Болгарией.

Сухопутные дороги в Малой Азии получили значение уже в VIII в., когда ослабел натиск со стороны арабов. Главнейшими путями были следующие: дорога из Константинополя вдоль черноморского побережья в Трапезунт через Сангарий (у реки того же названия) и Колоний; дорога из Константинополя к Евфрату через Анкиру, которая стала приобретать значение крупного города; дорога из Константинополя вдоль средиземноморского побережья через города Никею, Аморию, Иконию (которая названа арабским путешественником крупным городом), откуда она разветвлялась на Авидос и на Атталию. Аморий в начале XI в. считался уже крупнейшим центром; только взятие города арабами в 836 г. серьезно подорвало его значение.

Сухопутная дорога вела из Трапезунта через Арце и Феодосиуполь (Эрзерум) в халифат. Эта дорога имела особое значение, так как вос-

⁷¹ Жизнь Афанасия Трапезунтского, изд. А. Пападопуло-Керамевс. — ВВ, XII, 1906, стр. 140.

⁷² R. S. Lopez. The Role of Trade. . . , p. 73.

точные товары проходили в Византию и Северное Причерноморье главным образом через Трапезунт.

И морская и сухопутная торговля способствовали сосредоточению в городах населения, оторванного от натурального хозяйства. Моряки, как об этом свидетельствует «Морской закон» (§§ 1, 6), обычно набирались в портовых городах по вольному найму. Сухопутный транспорт требовал еще больше наемной рабочей силы, поскольку для ухода за лошадьми, ослами, верблюдами нужны были погонщики. В Византии, если судить по миниатюрам, долгое время (почти вплоть до XV в.) сохранялась неуклюжая упряжка, которая требовала громадного числа лошадей и людей (груз около 500 кг считался максимально допустимым для повозок с наиболее сильной тягой)⁷³. Кроме того, для сухопутного транспорта требовалась охрана. Все, кто принимал участие в транспортировке грузов морским, либо сухопутным путем, фактически принадлежали к городскому населению, поскольку получали необходимое содержание из ресурсов городского товарного хозяйства.

Своеобразной была экономика Прузы (Бруссy). Основой городского хозяйства служили теплые минеральные воды. Это был город-курорт, куда приезжали для лечения византийские знатные лица. Туда будто бы для лечения прибыл Константин VI. Предместья Прузы состояли из подгородных имений — нечто вроде современных дач. Феодор Студит очень расхваливал одно из таких имений, в котором он останавливался⁷⁴. Он писал, что жители города и окрестностей покупали, отправляли и принимали грузы⁷⁵.

* * *

Анализ общественных отношений VII—середины IX в. — как производственных, так и торговых, административно-фискальных и церковных — позволяет сделать вывод о широком распространении товарно-денежного хозяйства в «темные века» византийской истории. Небольшое количество находок монет того времени говорит об относительном упадке городов, о перемещении в городах центров хозяйственной деятельности, но не о полном отмирании городской жизни.

Мы должны отметить, что число различных типов чеканенной монеты при императорах конца VII—VIII и первой половины IX в. ничуть не уступает числу типов монеты, выпущенных императорами IV—VI вв. В «темные века» выпускались разные типы номисм, а также семиссов и тримиссов, серебряных милиарисиев и медной монеты. Это, безусловно, было результатом более или менее развитого товарного обращения. Товарные связи охватывали и деревни, об этом достаточно ярко свидетельствует статья 70-я «Земледельческого закона», предусматривавшая санкции против продавцов вина и зерна, пользовавшихся фальшивыми мерами.

Континуитет денежной системы способствовал развитию нормальных товарных отношений: на протяжении всего раннего средневековья золотая номисма сохраняла устойчивый характер. Однако серьезные неудобства для населения вызывала практика искусственного занижения ценности монеты старой чеканки (эта практика была ликвидирована при Льве VI в конце IX в.). О значительном распространении денежного обращения можно судить также по тому, что уже к концу IX в. появи-

⁷³ Lefévre des Noëttes. La système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance. — «Mélanges Ch. Diehl», t. I. Paris, 1930, 183—190.

⁷⁴ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 647.

⁷⁵ Там же, стр. 787.

лась возможность ввести в действующее право — Василики положение о том, что только такое торговое соглашение имеет силу перед судом, которое выражено определенной денежной суммой⁷⁶.

* * *

Проблема континуитета городской культуры Византии связана не только с признанием непрерывного существования городов как центров товарного хозяйства, но и с вопросом о непрерывности производственных процессов в городах. Наличие континуитета позднеримской городской культуры — это основное, что отличает развитие Византии от развития Запада, где континуитет выражался менее явственно⁷⁷.

Сила Византии состояла в ее непревзойденной до XI в. цивилизации, внешним выражением которой были грандиозность городов с их многочисленным населением и великолепие двора и знати, показное богатство. Производство предметов роскоши поэтому имело особое значение для Византии; Константинополь и в «темные века» оставался «мастерской великолепия», как его называли в IV в.

В середине VIII в. Византия поражала Запад своим грандиозным органом. Всех приезжавших во дворец византийского императора удивляли механизированные львы и деревья, изготовленные в первой половине IX в. из золота; это показывает, что в производстве подобного рода украшений с применением механизмов в Византии сохранились традиции древности⁷⁸. Данные «Книги Эпарха», относящиеся к производству роскошных тканей, свидетельствуют о длительном существовании этого вида ремесла: в источнике содержится множество установившихся терминов для обозначения производственного процесса, немало названий сортов тканей. Окраска в пурпур и связанные с ней общественные ограничения прямо восходят к позднеримскому времени («Книга Эпарха», § 8). Находки керамических изделий того времени свидетельствуют о производственном континуитете в гончарном ремесле. Константинопольские ремесленники медленно совершенствовали свою технику, лишь постепенно отходя (приблизительно во второй половине IX в.) от античных традиций⁷⁹.

Континуитет производственных традиций чувствуется и в стеклодувном ремесле⁸⁰.

Широко обсуждается в исторической литературе вопрос о континуитете византийских ремесленно-торговых корпораций⁸¹. В Константино-

⁷⁶ *Basilicorum libri LX*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833—1870; lib. XIX. I, 1, 2. Разумеется, имела распространение, особенно с болгарами на Балканах, меновая торговля. Но подобная торговля не нуждалась в оформленных соглашениях, и никакие требования в порядке *actio de rehditoria* или *quanti minoris* при меновой торговле не могли быть предъявлены. Меновой характер торговли с Болгарией объясняется почти полным отсутствием товарно-денежного обращения в Болгарии VIII—IX вв. (С. Лишев. За проникването и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 69).

⁷⁷ Об этом уже писали: С. Neumann. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894, S. VII; K. Dietrich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels. — BZ, 1931, 31, S. 36. Противоположная теория (особенно Э. Кирстена) связана со стремлением рассматривать историю Византии с точки зрения западноевропейского развития.

⁷⁸ Theoph., Chronog., p. 173.

⁷⁹ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 217.

⁸⁰ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 223. О континуитете в экономике Византии см. R. Lopez. The Role of Trade..., p. 69.

⁸¹ По вопросу о континуитете привлекался материал из истории византийских владений в Италии. Как показывают письма папы Григория I, в Неаполе на ру-

поле преэминентность корпораций вполне очевидна. Изданная в начале X в. «Книга Эпарха» представляет собой кодификацию прежних постановлений императоров относительно константинопольского мастерства и во многих местах восходит к Дигестам и Новеллам Юстиниана⁸².

Разумеется, не все корпорации VI в. сохранились в последующие века. Принудительные корпорации фискального характера, как, например, навикулярии, сюарии, пробатарии, исчезли. Эти объединения не носили ни производственного, ни торгового характера. Их существование как корпораций было обусловлено только выполнением общих повинностей — литургий по доставке казенных грузов, и поэтому такие корпорации исчезли в начале VII в., когда изменился характер снабжения городов. Но корпорации, связанные с определенными производственно-торговыми профессиями (трапезиты, аргиропраты, хлебопеки-манкипы, салдамарии, макеллари), продолжали существовать и в X в.

Одним из существенных доказательств наличия континуитета корпораций VII в. в X столетии является «Книга церемоний» Константина Багрянородного. В ней описываются веками сложившиеся и застывшие правила придворного церемониала. Наряду с прасинами и венетами, которые в конце IX в. уже не могли иметь столь важного влияния, но сохранили свои привилегии, упомянуты также и представители городских корпораций — *συστήματα τῆς πολέως*⁸³.

Некоторые обычаи корпораций также свидетельствуют о продолжении традиций IV—VI вв. Установившийся обычай принимать в некоторые корпорации рабов восходит к обычаю приема рабов в *collegium tenuiorum*⁸⁴.

Обычаи, установившиеся в строительном деле, например, порядок урегулирования конфликтов между работодателями и работниками, отраженные в XXII главе «Книги Эпарха», также восходят к порядкам, зафиксированным в Кодексе Юстиниана⁸⁵. В византийских эргастериях установился обычай нанимать мистиев — наемных работников — сроком на один месяц с предварительной выплатой заработной платы. Этот обычай существовал еще в VI в. и, как видно из агиографии⁸⁶, очевидно, продержался в течение всех «темных веков» вплоть до X столетия.

В историографии (особенно в работах А. П. Каждана) существует тенденция изображать византийские корпорации по образцу западноевропейских цехов. Однако византийские корпорации находились в совершенно иных условиях, чем в странах Запада: ведь западноевропейские цехи развились тогда, когда уже сложились феодальные институты, в Византии же корпорации развивались в период, когда феодальные институты еще находились в стадии возникновения и когда крестьянство еще не было закрепощено.

На Западе для принятия в цех или гильдию требовалось представление доказательства свободного состояния; в Византии в корпорацию

беже VI—VII вв. существовал цех сапонариев — мылоторговцев. В дальнейшем наименование «коллегия» в итальянском ремесле под византийским влиянием заменилось словом «схола». Хартманн, Миквиц, Эннен считают преэминентность итальянских цехов Южной и Средней Италии от позднеримских корпораций несомненной.

⁸² М. Я. Сюзюмов. Византийская «Книга Эпарха». М.—Л., 1962, стр. 24.

⁸³ Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis..., I, p. 12—13.

⁸⁴ Dig., XLVII, 22.3.2.

⁸⁵ CJ, VIII, 10.12.9.

⁸⁶ Приходит к хозяину эргастерия монах, желающий заработать, и говорит: «Дай мне тримисий, и я буду один месяц работать для тебя, где ты пожелаешь!» (Leontios v. Neapolis. Leben des Johannes Barmherzigen, ed. H. Gelzer. Leipzig, 1893, S. 81).

могли приниматься и рабы, что было для Запада немыслимым. Лица, занимавшиеся ремеслом или торговлей, в Византии не представляли собой особую сословную группу. Раб-вестиопрат и свободный вестиопрат, хотя и имели одну профессию, но по правовому статусу принадлежали к совершенно разным сословиям. Именно это приводило к отсутствию сплоченности городского ремесленно-торгового населения и было одной из важных причин слабости народных масс города перед лицом городской землевладельческой и сановной знати.

Византийский город вошел в средневековье в «готовом виде». Это означает, что город в период перехода от рабовладельческого строя к феодальному все время оставался центром товарного хозяйства на фоне натуральнохозяйственной периферии. Однако это не означает, что в течение данного периода не происходили серьезные изменения в составе населения и в управлении городом. Городское население, по кодексу Юстиниана, делилось на духовенство, ктиторов — *κτίτορες*, собственников домов и земельных участков в городе или в пригородах и жильцов — *οἰκήτορες τῶν πόλεων*⁸⁷. Перед историками встает проблема континуитета византийской городской знати.

Э. Кирстен отвергает континуитет знати, считая, что в Византии городская знать образовалась так же, как и на Западе, только в период средневековья в процессе развития городского строя. Конечно, городская знать античного происхождения сильно пострадала во времена Фоки, террора Юстиниана II, гражданской войны начала VIII в. Исчезла знать в тех провинциальных городах, которые были уничтожены во времена нашествий славян и арабов. Однако в житиях VIII—IX вв. постоянно встречаются указания на знатных родителей святого⁸⁸.

Поскольку Э. Кирстен намеренно не рассматривает Константинополь и даже Фессалонику, его общее представление о состоянии византийских городов получается неправильным. Наличие сильной городской знати в Константинополе в то же время предопределяло наличие такой знати и в провинциальных городах. Но в городах появилась также многочисленная пришлая знать из славян, армян, выходцев из Сирии и Палестины.

Как и в IV—VI вв., этнический состав городского населения был очень пестрым. На Балканах широкой струей вливался в городское население славянский элемент, на Востоке еще в большей степени, чем в предшествующие века, увеличивалось армянское население, на юге Малой Азии селились в большом числе сирийцы, эмигрировавшие из халифата⁸⁹.

Отвоение Византией потерянных территорий проходило постепенно, причем долгое время населенные славянами провинции Балкан не удавалось полностью подчинить византийской администрации. Но как только военные силы Византии оказывались хозяевами завоеванного района, начиналось подчинение населения как в фискальном, так и в административном и идеологическом отношениях. Последнее означало распространение господствующей религии.

⁸⁷ Nov. Just., CXXVIII, 16.

⁸⁸ Хрисанф Лопарев, автор монографии «Греческие жития святых VIII и IX веков», стоявший на позициях православной церкви, смущен, что почти все святые происходят из знатных и богатых семей. Он пытается опровергнуть данные, приводимые в житиях, считая их шаблонным местом: «Это житийное данное не должно признаваться верным, ибо это значило бы, что все святые могли появляться только в богатой среде» (стр. 23).

⁸⁹ P. Charanis. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century. — DOP, 13, 1959, p. 29 f.

Земли, заселенные славянскими племенами, под влиянием связей с городским товарным хозяйством становились частной собственностью представителей племенной знати⁹⁰. Славянская знать византизировалась и вливалась в состав городской аристократии.

В хронографии Феофана и в «Бревиарии» Никифора постоянно встречаются упоминания о городской знати⁹¹. Ее богатства, как об этом свидетельствуют некоторые данные, характеризующие имущество некоего Тарасия, одного из представителей крупнейшей константинопольской знати VIII в., состояло из домов и земельных участков в пригородном районе. Земельная собственность и домовладение в городе и в пригородах — вот основа собственности городской аристократии как в Константинополе, так и в провинциальных центрах⁹².

Сведения об *ἐμφανείς καὶ πρωτόβοιτες τῆς Χερσῶνος*⁹³ свидетельствуют о наличии в составе населения Херсонеса знати, ведшей свое происхождение от позднеримских времен.

Однако мы должны отметить и существенные изменения в имущественных отношениях городской знати VIII—середины IX в.

После краха провинциального землевладения, основанного на эксплуатации труда рабов и энапографов, в результате возобладания в деревне свободной общины утратила свое экономическое значение та прослойка знати, которая состояла из поселившихся в городах крупных провинциальных землевладельцев. В то же время знать, связанная с городским и пригородным землевладением, сохранила значительное влияние и в своих собственных интересах стала более монолитной; особенно выгодным для нее было занятие государственных должностей, связанных с доходами от эксплуатации населения путем налогового обложения. Городская знать в Константинополе была в то же время сановой знатью.

Наоборот, в главных городах фем большинство представителей растущей военно-землевладельческой знати было связано с фемной администрацией. Интересы этой знати находились в противоречии с интересами константинопольской, что и отразилось на остроте борьбы во времена иконоборчества.

Однако в конце VIII и в IX в., когда провинциальная знать еще не получила особой силы на местах, для руководства фемами, турмами, клисурами посылались представители константинопольской городской знати⁹⁴.

Необходимо отметить существенные изменения в положении городских ремесленников: если, судя по Новеллам Юстиниана, ранее городские торгово-ремесленные мастерские находились в собственности знатных горожан, то в начале X в., как это видно из «Книги Эпарха», ремесленно-торговые корпорации уже не имели никакого отношения к городской знати. Городская знать Константинополя сильно пострадала во время террористического правления Фоки и Юстиниана II, а также во время гражданской войны в начале VIII в., когда ворвавшиеся фемные войска жестоко разграбили столицу. В результате массовых конфискаций

⁹⁰ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. — «Сборник в честь академика Б. Д. Грекова». М., 1952, стр. 53.

⁹¹ Theoph., Chronog., p. 405.10, 438.3, 453.11.

⁹² R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 437—8. Феодор Студит в переписке с представителями городской знати характеризует их как со стороны происхождения, так и размера и состава имущества (роскошный дом, виноградики, драгоценности, толпы рабов из челяди и «любящие господина телохранители»), т. е. в таком же духе, как представляли знатного горожанина в V—VI вв. «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 584.

⁹³ Theoph., Chronog., p. 378.

⁹⁴ «Творения Федора Студита», ч. II, стр. 696.

много помещений для эргастериев перешло в распоряжение казны, так что ремесленники, занимавшие затем мастерские в правительственных помещениях — рядах и портниках, — платили так называемый энэйкион — квартирную плату.

В источниках VIII—IX вв. содержатся сведения о сословии ремесленников и мелких торговцев — *ἐργαστηριακοί*, которые всегда характеризуются как лица свободного и независимого состояния. Юстиниан II обложил эргастериаков налогом для организации экспедиции против Херсонеса, Константин V принимал присягу, в том числе и от эргастериаков. Он же переселял техников-ремесленников, сведущих в строительстве, в Константинополь⁹⁵.

Огромная масса византийских ремесленников работала в портниках в одиночку. Однако типичной мастерской для Византии был эргастерий с хозяином-мастером во главе, с наемными работниками-мистиями, рабами и учениками. Такой эргастерий по своему характеру является переходным от позднеантичного к средневековому.

Как пережиток рабовладельческого строя сохранилось право рабовладельцев рекомендовать своего раба для самостоятельного ведения хозяйства в мастерской. Таким образом, городская знать отчасти сохранила возможность иметь в некоторых корпорациях подставных лиц в качестве хозяев мастерских.

Плебейские массы Константинополя составляло большое число моряков, грузчиков, мистиев, работавших по найму в эргастериях; особенно нужно отметить большое количество строительных рабочих, а также многочисленный люмпен-пролетариат из нищих, преступного элемента, зачастую из беглых рабов, обедневших отставных военных, беглых монахов. Все эти широкие массы назывались *λαός, πλήθη, πλήθη τῶν ὄχλων*⁹⁶, *πολιτικός ὄχλος*⁹⁷.

В конце VII и в начале VIII в. плебейские массы города еще могли принимать участие в выступлениях партий, в VIII в. цирковые партии существовали, но политического влияния не имели, хотя, как сообщает патриарх Никифор, во время вторичного выступления иконоборцев члены цирковых партий выступали в рядах сторонников иконоборцев.

В 715 г. плебейским массам города Константинополя был нанесен сильный удар: были выселены из столицы все те, кто не имел трехгодичного запаса продовольствия. В результате этой меры в течение всего VIII в. в Константинополе ощущался недостаток трудящегося населения. Это вынудило иконоборческую династию переселить в столицу большое число ремесленников из провинции, что значительно укрепило положение свободного ремесла в Константинополе.

Влиятельной прослойкой населения столицы было сословие военных, которые жили со своими семьями. Ирина изменила состав константинопольского гарнизона: перевела прежние воинские части в провинцию, а в Константинополе разместила преданное иконопочитанию войско из

⁹⁵ Theoph., Chronog., p. 377, 447; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, p. 76. В письмах Феодора Студита упоминаются его послушники из ремесленников, в том числе плотник, который «был примером для всех плотников» (по благочестию), но потом ушел из города. Феодор Студит имел переписку с керуларием — торговцем воском; с митанами — торговцами и ткачами льняных изделий; с мироваром-парфюмером, которому советовал беречься от павликиан; сам Ф. Студит в изгнании занимался за плату рисованием миниатюр для книг и перепиской. В письмах есть упоминания о мясниках, ткачах, кузнецах, сапожниках, красильщиках, вино торговцах.

⁹⁶ Const. Porph. De ceremoniis, I, 11, 87.

⁹⁷ Ibid., II, 10, 575.

европейской провинции. Военные, поселившиеся в Константинополе, безусловно, стремились обзавестись городскими или пригородными земельными угодиями, и превращение их в городских ктиторов было лишь вопросом времени⁹⁸. Приобретение иконоборческой знатью значительной земельной собственности было причиной ослабления иконоборческого движения.

* * *

Управление ранневизантийских городов V—VI вв. претерпело существенные изменения. Влияние городских землевладельцев, занимавших по существу наследственные должности в курии и управлявших городскими земельными и финансовыми богатствами, было подорвано; начиная с IV в. в городском управлении все большую власть приобретает императорский чиновник — пресид. Тем не менее сохранялись некоторые элементы самоуправления. Новеллой 128, 16 Юстиниан предписал, чтобы *πατήρ τῆς πόλεως* и *defensor* избирались ежегодно епископом и первейшими гражданами — *πρωτεύοντες* — и чтобы ежегодно создавалась комиссия из епископа и пятерых *πρωτεύοντες* по проверке отчетности⁹⁹.

Настроения городской знати, связанной с муниципальным самоуправлением, оказывали определенное влияние на выборы епископа. Росту влияния знати способствовал эдикт Юстиниана II, предписывавший избрание высших должностных лиц провинции из местной городской и поместной знати¹⁰⁰. Городам давались определенные права, в частности, так называемый *δίκαιον τῆς πόλεως*¹⁰¹.

К концу VI в. роль городской знати, главой которой являлся епископ, безусловно, возрастает. Самоуправление города принимало особые формы, когда город находился под угрозой вражеского нападения. После ослабления центральной власти города вновь приобрели некоторую возможность распоряжаться своими средствами, например, строить стены за собственный счет.

Согласно относящимся к 595 г. данным, сообщаемым Феофилактом Симокаттой, балканский город Аземос, во главе которого стоял епископ, имел и некоторые элементы самоуправления, в частности, располагал собственными *ὀπλιτικόν* — особым городским ополчением, прекрасно вооруженным, которое, однако, пользовалось привилегией не участвовать в боевых операциях вне города¹⁰². Попытки византийского полководца нарушить привилегии города и присоединить городское ополчение к войску, сражавшемуся на Дунае, вызвало дружный протест со стороны всего населения города с епископом во главе. Город закрыл ворота перед командующим правительственной армией.

Город Аземос являлся пограничным, но такими же привилегиями обладали и более отдаленные города: они имели свое войско и могли отстаивать свои привилегии даже перед командующим правительственными войсками.

⁹⁸ Так, отец Антония Кавлея, военный, приехал в Константинополь (приблизительно конец VIII—начало IX в.); женившись, он приобрел проастию недалеко от столицы. См. A. Parapoulos-Keramеus. *Monumenta graeca et latina. ad historiam Photii patriarchae pertinentia*, I. Petropoli, 1899, § 2.

⁹⁹ Nov. Just., 15, epil., a. 535; Nov. Just., 128, 16.

¹⁰⁰ F. Dölger. *Regesten...*, I, № 12, a. 569.

¹⁰¹ Захария Ритор, рассказывая о постройке Дары, сообщает о том, что Юстиниан возвел Дару в ранг города, построил церкви, бани, водопровод и дал городу привилегии (Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники по истории народов СССР*. М.—Л., 1941, стр. 155—156).

¹⁰² *Theophylacti Simocattae Historiae*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, VII, 3.

Позднеримская система городского самоуправления долго держалась в городах, отдаленных от Константинополя. Итальянские и далматинские города, Херсонес управлялись местной знатью, *πατέρες τῆς πόλεως* и *judices duumviri jure dicundo, quatuorviri*. В числе далматинских городов, сохранивших в VII в. старинные формы самоуправления, нужно отметить Ядер (Зару), Трагурий (Трогир), Веклу (Крк), Эпидавр (Рагузу), Декатеру (Каттаро), Арбу (Раб)¹⁰³.

В Венеции во главе управления стоял дож, которого избирали *publico placito*, т. е. епископы, судьи и *boni homines*. Неаполь управлялся выборным дуксом, должность которого, несмотря на формальную выборность, фактически превратилась в наследственную, причем и епископ и дукс в Неаполе происходили из одной фамилии. Дукс Неаполя в то же время находился в подчинении у византийского стратига.

Во второй половине VII в. муниципальное управление в византийских городах проявляло еще некоторую активность. Как и в VI в., имелись дуумвиры, куратор, патрон, патер города, которые избирались населением, но утверждались центральным правительством и, таким образом, лица, избранные местной знатью, являлись в то же время представителями центральной власти¹⁰⁴.

Сообщение Константина Багрянородного об осаде Патр говорит об инициативности и организованности горожан. В 807 г. Патры, называвшиеся кастрон, ввиду опасности нападения славян собрали общее собрание горожан и организовали оборону города¹⁰⁵.

Старинное *κοινόν* и городская милиция существовали, по-видимому, вплоть до IX в. Как свидетельствуют некоторые данные эпиграфики, горожане иногда собственными силами, исходя из интересов города, воздвигали или восстанавливали городские стены¹⁰⁶. Только в 739 г. вместо восстановления стен Константинополя горожане стали платить специальную подать в размере $16\frac{1}{4}\%$ от основных налоговых ставок.

Во главе Херсонеса в начале VIII в. стоял протополит и 40 представителей знати, почти номинально подчинявшихся византийской власти¹⁰⁷.

По сохранившимся свинцовым печатям, опубликованным в трудах Шлюмберже, можно заключить, что во главе некоторых городов стояли так называемые «архонты», выбиравшиеся из местной городской знати. Термин *πρωτεύουτες* встречается на печатях вплоть до начала XI в.

Согласно надписи из Херсонеса, командующий гарнизоном викарий распоряжался также и финансами. Упоминается *πραχτεῖον* — учреждение по сбору налогов и пошлин. Из собранных сумм предписывалось построить стены¹⁰⁸.

Сохранение элементов самоуправления в городах в условиях крушения устоев рабовладельческого общества и значительного ослабления позиций центрального правительства таило реальную опасность превращения Византии в ряд феодализирующихся независимых городов-государств. Это было несовместимо с попытками зарождавшейся военно-служилой фемной знати создать прочные порядки централизованного

¹⁰³ F. Dölger. Die frühbyzantinische Stadt, S. 125—126; E. Mayer. Die dal-matisch-istrische Munizipalverfassung im Mittelalter und ihre römische Grundlagen. — ZSSR, GA, XXIV, 1903, S. 211 f.

¹⁰⁴ Такую картину рисуют документы Равенны. См. Ch. Diehl. Etudes sur l'administration byzantine dans l'eksarchat de Ravenne, II. Paris, 1888, cap. II, p. 93 sq., 103 sq.

¹⁰⁵ Const. Porph. De adm. imp., 49, 17.

¹⁰⁶ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 20; S. 11, Anm. 6.

¹⁰⁷ Theoph., Chronog., p. 378.

¹⁰⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 21—22.

государства для обеспечения возможностей развития крупного землевладения, которое могло бы стать основной предпосылкой для дальнейшего развития сеньориальной формы эксплуатации. Со времени правления Юстиниана II, стремившегося к укреплению фемных войск и созданию военных колоний, византийская власть проводит энергичную политику уничтожения городского самоуправления посредством замены муниципальных органов города назначенным стратигом с подчиненными ему военными и гражданскими должностными лицами.

В главном городе фемы имел местопребывание стратиг с ответственным перед ним претором, ведавшим судопроизводством по гражданским делам, и подчиненный как стратигу, так и непосредственно центру хартуларий фемы, ведавшей финансовыми делами фемы, сбором налогов¹⁰⁹.

Что же касается статуса военных центров — «кастра», то, если они не выполняли других характерных для города функций, они, безусловно, не пользовались самоуправлением и управлялись военными властями. Население этих «кастра» имело особые привилегии, характер которых зависел от рода занятий и повинностей живших вокруг «кастра» ремесленников и земледельцев — «кастринов» (*каστρινοί*), среди которых можно выделить моряков, добытчиков пурпура, специалистов по изготовлению хартий — *πλώϊμοι, κορχυλευται, χαρτοποιοί* и др.¹¹⁰ Эти привилегии заключались в освобождении их получателей от всех существующих в государстве повинностей для того, чтобы они могли сосредоточить все силы на несении одной повинности, связанной с их профессией. Такой характер привилегий прикреплял «кастринов» к их ремеслу. Прикрепление *κορχυλευται* к их ремеслу означает прямой континуитет с теми *murileguli*, которые закреплялись за данным промыслом в IV—VI вв.¹¹¹

Процесс ликвидации городского самоуправления затянулся на длительный период. В Херсонесе самоуправление с протополитом во главе продолжалось до 834 г., когда Феофил поставил во главе города стратига¹¹².

VIII—середина IX в. — период исчезновения автономии города и перехода его в систему фемной организации. Завершение этого процесса можно отнести ко времени издания известной 47-й Новеллы императора Льва VI (конец IX в.).

Автономия городов не имела ничего общего с интересами широких масс городского населения. Политика постепенного уничтожения такой автономии в VIII в. проводилась в соединении с борьбой против городской знати под лозунгом иконоборчества и сопровождалась демагогическими обращениями императорской власти к более широким кругам горожан (Константин V созывал «силенции» — выступления императора перед различными слоями городского населения, в том числе и перед ремесленными корпорациями). В это время императоры в своих распоряжениях часто адресовались непосредственно к народу города или провинции.

Несмотря на проводимую политику уничтожения городской автономии, правительство продолжало использовать местную городскую знать в деле управления городом, и принадлежавшие «протевонтес» печати свидетельствуют о том, что бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью.

¹⁰⁹ F. Dölger. Beiträge. . . , 68 f.

¹¹⁰ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt, S. 27.

¹¹¹ CJ, XI, VIII, 11.

¹¹² Theophanus Continuatus, III, 28, p. 125; Const. Porph. De adm. imp., 42.

В Византии город вошел в средневековье в готовом виде: налицо были производственные традиции, торговые связи, веками сложившиеся нормы гражданских отношений, вполне установившаяся роль города в осуществлении административно-фискальных функций, а также в насаждении господствующей идеологии — христианской религии. В отличие от большинства стран Центральной Европы, где город как экономическая категория создавался в результате выделения ремесла из сельского хозяйства, на византийской территории города в основном развивались не на базе деревенского ремесла, а в условиях старинного города и его пригородных хозяйств.

Те грандиозные события, которые произошли в VII в., когда славянское вторжение и арабские завоевания и набеги развязали внутренние революционные силы в Византии, безусловно, привели города к временному упадку, однако и в этот период в них развивались свободные торговля и ремесло, а также появились богатая прослойка населения, связанная с доходами, отличными от доходов, получавшихся путем сеньориальной эксплуатации. Однако в дальнейшем переселение в города военнотрудовой землевладельческой знати сделало город центром реализации феодальной ренты.

Можно отметить двойственный характер византийского города так называемого средневизантийского периода (X—XII вв.). С одной стороны, город был оплотом социальной реакции, поскольку это был центр сохранения традиций рабовладельческого общества с его имущественными отношениями, пережитками рабства. Но с другой стороны, средневизантийский город выполнял прогрессивную роль, так как именно в городах сохранялись и развивались те нормы гражданского права, которые регламентировали частную собственность и товарное производство, а также сохранялись элементы античной культуры, благодаря которым феодальное общество в Византии достигло такого производственно-культурного уровня, который являлся более высоким этапом развития человеческого общества, нежели рабовладельческий строй.

В VII—VIII вв. уже создавались некоторые экономические предпосылки феодальной раздробленности. Городская знать стремилась сохранять за собой привилегии данного города. Особенно в этом отношении выделялся Константинополь. Торговцы столицы имели особые привилегии, причем торговля организована была так, что столичный купец относился к иногороднему, как к иностранцу, т. е. внутренняя торговля была организована по образцу внешней. В результате всякий город стремился к независимости, а не к расширению связей с другими городами на базе общего рынка.

С другой стороны, нужно отметить и начало процесса создания своеобразного византийского феодального города: он стал местопребыванием фемной администрации, которая впоследствии настолько подчинила себе города политически, что они в дальнейшем могли стать центрами сеньориального типа эксплуатации населения.